

**Елена Владимировна Доброва
Светлана Александровна Хворостухина
Людмила Николаевна Смирнова
Галина Анатольевна Гальперина
Громкие убийства
Серия «Криминальные истории»**

*Текст книги предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164394
Громкие убийства: Вече; М.; 2003
ISBN 5-94538-271-X*

Аннотация

На страницах этой книги содержатся сведения о самых громких убийствах, которые когда-либо были совершены человеком, об их причинах и последствиях. Перед читателем откроются тайны гибели многих знаменитых людей и известных всему миру исторических личностей: монархов и членов их семей, президентов, революционеров и современных политических деятелей, актеров, певцов и поэтов. Авторы выражают надежду, что читатель воспримет эту книгу не только как увлекательное чтение, но и задумается над тем, имеет ли право человек лишать жизни себе подобных.

Содержание

Введение	4
Как стать царем, или Похождения великого жреца	6
Месть Олимпиады	10
Трагедия у Курциева бассейна	13
Братоубийство в Древней Руси	15
Слабоволие правителя – гибель для государства	19
Королевская «милость»	24
За что убивали королевских жен?	27
Путь конкистадора	33
Первооткрыватель Перу	46
Роковая прогулка	54
Жизнь и смерть великого авантюриста	58
Несвоевременные реформы, или Жизнь Лжедмитрия I	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

ГРОМКИЕ УБИЙСТВА

Введение

И так, вы открыли книгу, которая посвящена громким убийствам. Сразу следует оговориться, что на ее страницах не нашлось места маньякам, подобным всем известным Джеку-потрошителю или Чикатило. Стоит ли этим людям посвящать целые книги? Да и можно ли вообще называть людьми этих человекоподобных существ? Скорее всего, эта книга является кратким историческим экскурсом и рассказывает главным образом о политических преступлениях, если можно назвать этим термином убийство Лжебардии, выдававшего себя за сына царя Кира в VI веке до н. э., или царя Македонии Филиппа II.

Авторы книги постарались уделить внимание знаменитым представителям каждой исторической эпохи от начала мира до наших дней и рассказать не только об их нередко загадочной гибели, но изложить также и не менее интересные биографические данные, без которых порой невозможно бывает понять, что послужило поводом для убийства человека.

Одна из главных заповедей Библии гласит: «Не убий», тем не менее первыми нарушили ее именно библейские персонажи: Каин убил своего брата Авеля. Убийство, самое страшное из того, что может совершить человек с себе подобным, во все времена, начиная с зарождения мира, считалось самым тяжелым преступлением, за которое карала религия и преследовал закон. Виновных в смерти человека неизменно ожидало суровое наказание, однако число таких преступлений не уменьшалось. Убийства продолжали и продолжают совершаться. Причем современные убийцы ведут себя ничуть не гуманнее, чем, например, их средневековые соратники по «ремеслу».

Почему же человек, существо, которое в отличие от животных обладает интеллектом, способно совершать жестокие убийства? Что толкает людей на подобные злодеяния? У любого преступления должен быть какой-то мотив. Причинами убийства чаще всего становились богатство, власть, стремление достичь более высокого положения в обществе или нечестным путем занять чье-то место, кровная месть или устранение тех, кто высказывал нежелательные суждения или вмешивался в дела сильных мира сего.

Кстати, в настоящее время все чаще фигурирует последний мотив. Вместе с крахом социалистического строя в нашу повседневную жизнь постепенно вошло понятие «заказное убийство», исполнителями которого являются вторые лица, действительные же его организаторы остаются в тени. При этом физическому устранению подвергаются лица, которые стремятся восстановить справедливость в нашем запутавшемся в обмане и коррупции мире, как, например, корреспондент «Московского комсомольца» Дмитрий Холодов или те, кто пытается ввести честные правила игры в доходный бизнес, как Владислав Листьев, который стремился навести порядок с распределением рекламного времени на Общественном Российском телевидении. К сожалению, такие тщательно спланированные убийства чаще всего оказываются нераскрытыми, и виновные в совершении этих преступлений до сих пор гуляют на свободе.

В глазах миллионов людей убийце нет оправдания, несмотря ни на какие обстоятельства и доводы, которые ослабляют его вину. Даже если убийство совершено без злого умысла, а в целях защиты от нападения и ради спасения собственной жизни, оно все равно остается убийством. По закону защищавший себя таким образом человек не считается убийцей и не несет уголовной ответственности, но в этом случае свой суд вершит его совесть. Человек, не желая того, наказывает себя морально.

Если согласиться с утверждением, что никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать убийства, то встает закономерный вопрос: а как же смертная казнь? Считать ее

убийством или все-таки высшей мерой наказания? Споры на этот счет не прекращаются до сих пор. Можно согласиться со смертной казнью того, кто представляет определенную опасность для человечества, чтобы пресечь попытки новых кровавых злодеяний с его стороны. Например, для серийного убийцы или сексуального маньяка смертная казнь будет хотя и суровым, но, на наш взгляд, справедливым наказанием.

С другой стороны, разве можно считать простым наказанием расстрел несовершеннолетних членов царской семьи или жестокое убийство сестры последней российской императрицы Елизаветы Федоровны, великого князя Сергея Михайловича, его секретаря, трех сыновей великого князя Константина и князя Владимира Палея, которых сбросили в глубокую шахту, после чего забросали гранатами? Хотя эта расправа и носила название казни, все же больше к ней подходит определение садистского убийства. В чем можно было обвинить малолетних царевичей и царевен? Только лишь в их происхождении. Именно поэтому авторы этой книги поместили на ее страницах описание тех казней, которые смело можно назвать громкими убийствами, заклеившими вечным позором их беспощадных исполнителей.

По мнению Фрейда, в основе всех человеческих импульсов лежит агрессивность, некий животный инстинкт, поэтому и совершаются испокон веков кровавые злодеяния. Но будем надеяться, что эволюция когда-нибудь исправит и этот недостаток, а человечество наконец достигнет такого уровня интеллектуального развития, что сумеет преодолеть собственную жестокость и агрессивность по отношению к ближнему.

Как стать царем, или Похождения великого жреца

Жрец и прорицатель Мидии Гаумата (?—521 до н. э.) вошел в историю «благодаря» тому, что после убийства настоящего наследника персидского трона, сына царя Кира Бардии, самовольно занял его место. Это ставшее впоследствии знаменитым убийство произошло в далекие века, в 522 году до н. э. Спустя всего лишь год после случившегося Гаумата поплатился жизнью за свое преступление перед персидским народом – его самого убили заговорщики, во главе которых стоял будущий правитель страны Дарий I.

Сохранившиеся до наших дней памятники древней письменности свидетельствуют о том, что царь Персии Камбис слыл вспыльчивым и злопамятным человеком. Именно по его приказу был убит его родной брат Бардия, которого владыка считал своим соперником и врагом.

После того как наемники пришли к Камбису и доложили о выполнении приказания, царь повелел устроить пышный пир, куда было приглашено множество гостей. Под игру музыкантов и звон тяжелых бокалов, до краев наполненных сладковатым вином, приглашенные чествовали справедливого и мудрого царя.

Со дня убийства прошло немало дней. К тому времени Камбис уже перестал даже вспоминать о том, что стал братоубийцей. Великий владыка наслаждался своей властью. Он предпринимал военные походы, вершил суды над злоумышленниками, изменниками и нечестивцами. Куда бы он ни пришел, всюду слышал только хвалебные речи, произносившиеся в его адрес.

Во всей полноте жестокий характер Камбиса раскрылся после завоевания его армией Египта. Письменные источники говорят о том, что желанию персидского царя убивать и властвовать не было тогда границ. Войско Камбиса безжалостно уничтожало все, что могло свидетельствовать о существовании самобытной культуры египтян. Так были стерты с лица земли египетские храмы и древние постройки. Не щадили персидские воины даже считавшихся в Египте священными животных.

Однако всему есть предел. Жестокость и злоба Камбиса не могли существовать вечно. Казалось, боги только ждали удобного момента для того, чтобы призвать персидского царя к ответу перед высшим судом.

Многие приближенные персидского царя оказались лишенными дара речи, когда узнали о том, что воскрес из мертвых убитый Камбисом Бардия. Как выяснилось впоследствии, возвращение Бардии на землю имело вполне логическое объяснение.

В то время в главном городе Персии жили два родных брата. Старший из них состоял на службе при дворе Камбиса и выполнял обязанности управляющего. Другой же брат, Гаумата, внешне был очень похож на убитого Бардию. Необходимо заметить, что оба брата хорошо владели искусством прорицания и гипнотического воздействия. А потому им не стоило большого труда «воскресить» убитого наследника трона.

В то время, пока Камбис находился в Египте, управляющий уговорил своего брата Гаумату представиться воскресшим сыном владыки Кира. Спустя несколько дней после того тайного разговора Гаумата объявил себя царем Персии и назвался Бардией. А еще через некоторое время Камбис получил известие о том, что власть в стране перешла к восставшему из мертвых Бардий.

Тогда разъяренный Камбис призвал к себе наемного убийцу, которому когда-то было приказано убить Бардию. Царь спросил своего подданного, почему тот не выполнил его приказание. Однако наемник утверждал, будто он выполнил то, что ему было поручено владыкой Персии. Он сказал: «Это весть ложная! Я сам исполнил твой приказ и похоронил Бардию!»

Камбис задумался. Ведь никто из приближенных и рядовых персов даже не догадывался о том, каким образом жестокий и мстительный человек занял место на царском троне, которое по справедливости было предназначено для его брата. Никто не мог знать о том, что могущественной страной управляет самозванец. И никто никогда не должен узнать об этом! Так решил Камбис.

Спустя некоторое время персидская армия, возглавляемая Камбисом, двинулась в сторону Персии, чтобы наказать объявившегося там самозванца и восстановить власть «настоящего» царя. Однако в пути Камбис тяжело поранил ногу, в результате чего и скончался через несколько дней. Таким образом, в Персии остался только один царь – новоявленный Бардия.

Одна за другой провинции стали присягать на верность новому царю Персии. У Гауматы-Бардии появилась своя армия. Все без исключения поверили в то, что трон занял не кто иной, как сын великого владыки Кира. На всех базарах и караванных дорогах люди прославляли и чествовали воскресшего Бардию. В знак милосердия и всепрощения царь объявил тогда об освобождении персиян от уплаты налогов и службы в армии в течение трех лет.

Народ ликовал: ведь Всевышний ниспослал им справедливого правителя! Одни только придворные словно предчувствовали неладное. Дело в том, что за несколько месяцев правления царь ни разу не пригласил их ко двору. Тогда перед ними возникло сразу несколько вопросов: почему Бардия никогда не выходит к народу, почему он не желает видеть своих верноподданных?

И тогда кто-то из придворных спросил: «Может быть, это не настоящий Бардия?» Было решено проверить царя. Дочь одного из придворных жила в гареме персидского царя. Через нее-то подданные и надеялись узнать, настоящий ли их царь или самозванец.

Спустя несколько дней Федима получила записку. На маленьком клочке бумаги было написано: «Федима, дочь моя, правда ли, что человек, который теперь муж твой, сын Кира?» Однако определенного ответа на мучивший их вопрос придворные не смогли получить. В ответном послании Федима написала: «Не знаю, настоящий ли это сын Кира, мы в гареме не знаем чужих мужчин, и раньше Бардии я никогда не видала».

Но придворные не отчаялись после того, как получили такой ответ от Федины. В следующем письме они просили ее о том, чтобы она разузнала обо всем у Атоссы, которая должна была хорошо знать своего мужа. Однако и в тот раз Федине не удалось ничего выяснить. В ответной записке она написала: «Как только этот человек сделался царем, он отделил нас одна от другой».

Такого при дворе не было никогда. Ответ Федины на последнее послание отца настоял всех придворных. Но отец Федины нашел-таки способ раскрыть самозванца. Как-то раз ему на ум пришел рассказ о том, что давным-давно за неизвестно какую провинность царь Кир распорядился отрезать магу и жрецу Гаумате уши. «Итак, – подумал придворный, – уши – вот главный признак, по которому можно определить настоящего царя».

В тот же вечер Федима получила новое послание от отца. Он писал: «Когда царь уснет, ощупай его уши. Если он окажется с ушами, то знай, супругом имеешь сына Кира. Если без ушей, то живешь ты с магом».

Долгое время Федима не решалась притронуться к голове своего супруга. Ведь в том случае, если бы он догадался о том, что одной из обитательниц гарема известна его тайна, в тот же час она была бы убита. Однако отважная девушка все же решила докопаться до истины и узнать, настоящий ли перед ней царь Персии.

Наутро в дом одного из придворных тихо постучали. Хозяин открыл дверь и увидел перед собой евнуха царского гарема. Тот протягивал ему записку. Придворный сразу же узнал почерк дочери, хотя все буквы, казалось, плясали, свидетельствуя, видимо, о большом волнении писавшей. В записке было всего лишь два слова. Федима сообщила: «Ушей нет».

В тот же вечер у придворного собрались те, кто желал вывести царя-самозванца, что называется, на чистую воду. Однако перед тем, как поведать о том, что удалось узнать, хозяин дома взял с каждого гостя слово хранить в тайне узнанное. Только тогда он рассказал о том, кем на самом деле являлся их горячо любимый и уважаемый повелитель Бардия. Один из присутствовавших в отчаянии воскликнул: «Лучше бы я ничего не знал!»

И в самом деле, тайна оказалась страшной. Ведь каждый из придворных мог быть немедленно казнен, стоило только Гаумате раскрыть их заговор. В тот день придворные решили затаиться на время и не предпринимать никаких действий, поскольку у них не было ничего, кроме их умных голов. Да и те могли в любую минуту слететь с плеч...

Действительно, каждый из них мог быть казнен... Каждый из них... «Только не тот, кто первым доложит обо всем царю», – так подумали все присутствовавшие в доме отца Федимы. Вероятнее всего, они все тотчас после встречи направились бы прямо во дворец, чтобы донести о заговоре. Наверное, так бв и случилось, если бы сын царского наместника Дарий не заявил: «Мы должны действовать сегодня же! Если сегодняшний день будет упущен, я сам донесу обо всем магу!»

В то время, пока заговорщики обсуждали план своих будущих действий, их потенциальные жертвы не дремали. Они будто предчувствовали, что править им осталось совсем немного. Для того чтобы укрепить свою власть, жрецы решили обратиться за помощью к известному и уважаемому в то время среди персов человеку по имени Прекасп.

Обращаясь к Прекаспу с просьбой о содействии, маги надеялись пробудить в нем ответное злобное чувство по отношению к сыновьям Кира. А причина для мести существовала. Ведь когда-то Кир жестоко наказал Прекаспа, лишив его единственного сына.

Однако жрецы желали расположить к себе Прекаспа, руководствуясь не только тем, что он пользуется уважением у персидского народа. Дело в том, что маги попросту боялись всеведущего мудреца, который, по их мнению, давно уже догадался, кто управляет страной. Тем не менее Прекасп согласился помочь самозванцу укрепить власть. А для этого от него требовалось всего лишь подняться на башню и объявить собравшемуся народу о том, что владыка Персии – сын царя Кира.

На следующее утро Прекасп взойшел на вершину башни. Тысячи глаз присутствовавших устремились на него. Тогда Прекасп заговорил. Он рассказал о том, с кого начался род Кира, как тот стал царем Персии, какими были его сыновья. Долго говорил мудрец. Маги совсем уж было успокоились, думая, что вот-вот сейчас Прекасп скажет и о них свое хвалебное слово. Каково же было их изумление, когда они услышали, как он призывает персидский народ к бунту против самозванца. Сказав последние слова, Прекасп бросился вниз с башни.

Кто знает, что стали бы делать маги после того, что случилось на главной площади столицы. Однако в то время на место, где собрались жители главного города Персии, уже прибыли заговорщики, возглавляемые Дарием. Увидев приближавшихся всадников, маги поспешили скрыться в своем дворце.

Необходимо заметить, что все заговорщики происходили из достаточно знатных семей. А потому царские стражники не посмели противостоять им и впустили во дворец. Единственным препятствием на пути освободителей персов стали несколько евнухов, которые попытались остановить заговорщиков перед входом в главный зал дворца. Однако все они тут же были убиты на месте ударами кинжалов.

В то время, пока заговорщики сражались с евнухами, маги попытались убежать из дворца. Однако это им не удалось, поскольку из дворца вела одна–единственная дверь. Долгое время заговорщики не могли проникнуть в главный зал. Но вот дверь поддалась, и они оказались перед самозванцем.

Тот стоял перед ними и держал наготове лук со смертоносной стрелой. Но воспользоваться оружием Гаумате не пришлось. Внезапно из-за спины на него напал один из заговорщиков. Через секунду к ним подоспел и Дарий. Несколько секунд он в нерешительности стоял над борющимися. А затем высоко поднял кинжал и нанес магу сильный удар в спину. Тот вскинул руки, затем попытался было вытащить нож из спины и, наконец, замертво рухнул у ног заговорщиков.

После бунта царем Персии был объявлен Дарий. Геродот, описывая годы царствования, называет его Дарием I. В память о тех событиях новый царь приказал высечь на огромной скале, стоявшей на дороге, которая вела из Тегерана в Багдад, рассказ о том, как удалось победить самозванца. Последняя фраза древнего повествования гласит: «Дарий убил мага и стал царем».

Месть Олимпиады

Великий царь Македонии Филипп II был великолепным стратегом. Он провел ряд реформ, благодаря которым его государство превратилось в одно из сильнейших в греческом мире. В планы дальнейших преобразований Филиппа II входило объединение всех греков в борьбе против давнишнего врага – Персидской державы. Однако Филиппу не суждено было воплотить в жизнь свой замысел.

В то время как Македония готовилась к войне с Персией, ее царь решил развестись со своей женой Олимпиадой, матерью наследника престола Александра, чтобы жениться на другой. После женитьбы царя была назначена свадьба его дочери, которая должна была выйти замуж за эпирского царя Александра. Произошло это событие летом 336 года до н. э.

Свадьба проходила в Эгах – древней столице Македонии. Большой праздник, устроенный Филиппом, был своеобразной демонстрацией всем балканским подданным, эллинам и македонцам могущества Македонской державы, а также символом восстановления семейного мира.

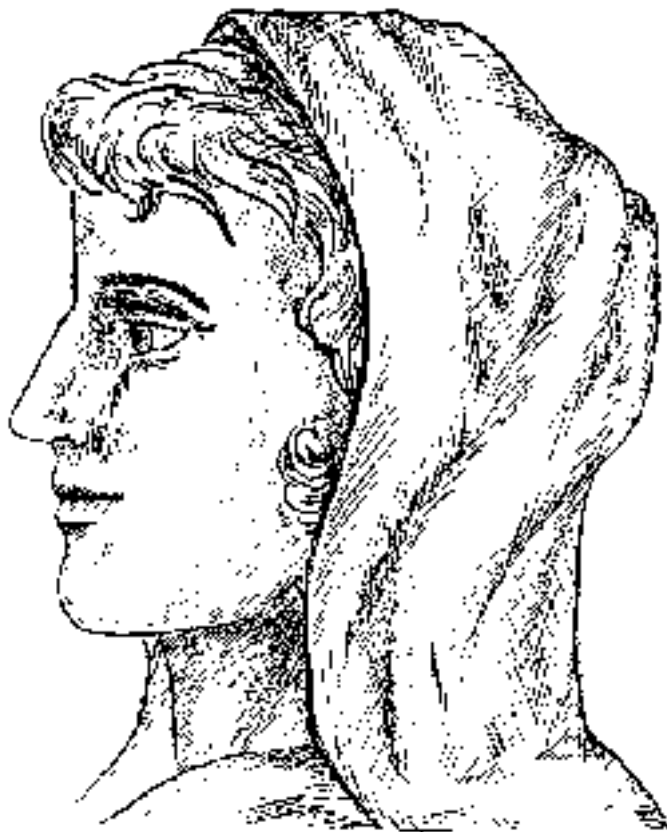
Царь Македонии Филипп II

В празднествах, которые продолжались несколько дней, принимали участие царь и его приближенные, посланцы со всей Македонии, от греческих городов, иллирийских и фракийских племен. Апогеем свадебной церемонии должна была стать торжественная процессия, после которой предполагались игры в театре.

Во время процессии Филипп шел между сыном и зятем в окружении царской охраны. Когда царь вошел в узкий проход, ведущий в театр, его телохранитель Павсаний нанес Филиппу смертельный удар кинжалом. Сраженный царь рухнул на землю. Пытавшийся бежать убийца также нашел свою смерть. Официальной версией покушения была объявлена кровная месть Павсания, однако многие македонцы считали причастными к убийству своего царя также и бывшую жену Филиппа Олимпиаду, его сына и зятя.

Кто же все-таки направлял руку убийцы? На этот вопрос ответ так и не был найден.

В результате расследования были сделаны следующие выводы: Павсаний якобы хотел отомстить опекуну второй жены Филиппа Атталу, который был гомосексуалистом и надругался над ним, царю же он отомстил за то, что он не позволил предать Аттала суду

Олимпиада

Подобное объяснение выглядит довольно правдоподобным, однако существует все-таки одна неувязка: слишком много времени прошло со дня преступления Аттала до того момента, когда Павсаний вдруг решил ему отомстить. Этот факт наводит на мысль, что политические противники Филиппа вполне могли использовать жаждущего мести юношу в своих корыстных целях. По этой причине и были казнены многие недовольные представители знати, а также те, кто был заподозрен в тайном желании бежать к персам. Вполне возможно, что Александр решил воспользоваться удобным случаем, чтобы таким образом убрать со своего пути возможных соперников, претендующих на царский трон, в том числе и других потомков Филиппа по мужской линии.

Пожалуй, наиболее достоверной из всех версий представляется причастность к убийству бывшего супруга Олимпиады. Недаром она получила прозвище эпирской ведьмы. Будучи от природы суровой и властной женщиной, Олимпиада вполне могла отомстить Филиппу за предательство по отношению к ней. Возможно, она преследовала и еще одну, куда более важную цель: помочь своему сыну занять царский престол, который в сложившихся обстоятельствах вполне мог ускользнуть из его рук. Тем более что между Филиппом и Александром сложились далеко не безоблачные отношения, которые могли еще более ухудшиться в связи с рождением нового наследника престола. Александр же, скорее всего, не догадывался о преступных действиях своей матери. К тому же сама Олимпиада навлекла на себя подозрение тем, что по возвращении в Македонию ухаживала за могилой Павсания.

Поскольку Александр обладал поистине рыцарской натурой, был гордым и благородным человеком, то можно предположить, что он не смог бы совершить низкий и подлый поступок, который навсегда обесчестил бы его имя.

Что же касается участия в заговоре персов, то об этом известно следующее. Например, через три года после гибели своего отца Александр утверждал, что персидский царь Дарий нередко хвастался своими связями с убийцами Филиппа. Однако достоверность этих слов вызывает справедливые сомнения по двум причинам. Во-первых, в то время царю Македонии необходим был повод для того, чтобы объявить войну персам, а, во-вторых, подобное заявление отводило подозрение от его матери.

Александр Македонский

Как бы то ни было, если считать виновной в убийстве Филиппа II Олимпиаду, то предусмотрительная царица смогла достичь своей цели: она снова утвердилась в царском доме, уничтожив свою соперницу – вторую жену Филиппа и ее маленького ребенка, которые были убиты по ее приказанию. Кроме того, жестокие репрессии, которым подверглись потенциальные противники царской власти, способствовали тому, что Александр наконец стал полноправным правителем Македонии.

Трагедия у Курциева бассейна

В начале нашей эры Римская империя вступила в эпоху наивысшего расцвета. Несмотря на то что многие императоры, получавшие в свои руки безграничную власть, использовали людские и материальные ресурсы государства лишь себе во благо, в империи продолжали развиваться ремесла, торговля и сельское хозяйство, по-прежнему наблюдался рост городов.

Довольно часто на троне оказывались люди ничтожные, недостойные быть правителями великой империи. Некоторые из них задерживались на троне на несколько месяцев, другие же не могли удержаться и нескольких дней. Случалось, что в различных провинциях империи провозглашалось сразу несколько претендентов на трон. В такой ситуации гражданская война оказывалась печальной неизбежностью.

Век императоров с полным правом можно назвать временем мятежей и заговоров, поскольку всегда появлялись люди, мечтавшие получить неограниченную власть и занять трон.

За многолетнюю историю Римской империи в результате мятежей и гражданских войн погибло более 20 императоров и большое количество важных политических фигур.

В середине I века н. э. на императорский трон взошел Сервий Сульпций Гальба. Родился он в 3 году до н. э. в семье состоятельного патриция, и, казалось, ничто не предвещало ему стать правителем Римской империи. Но судьба распорядилась иначе...

Правление Гальбы оказалось относительно недолгим. В январе 69 года против него поднял мятеж Отон, наместник одной из римских провинций. Правитель Лузитании был обижен тем, что Гальбу, а не его назначили наследником трона.

В то время успех мятежа во многом определялся поведением императорской гвардии. Решая, на чьей стороне удобнее выступить в тот или иной момент, воины-преторианцы предопределяли ход истории. На этот раз удача оказалась на стороне Отона, императорская гвардия поддержала притязания наместника Лузитании.

Вместе с верными людьми Гальба был вынужден укрыться во дворце под охраной легионеров. Заговорщики, не имевшие необходимых сил для осады, стремились во что бы то ни стало выманить императора из дворца.

Вскоре по городу поползли слухи, что преторианцы перешли на сторону законного правителя Римской империи, что восстание мятежного Отона подавлено, что все войска верны императору и собираются у городских стен, чтобы поздравить его.

Известный римский историк, автор знаменитого восьмитомного труда «О жизни двенадцати цезарей» Гай Транквилл Светоний, живший и творивший во второй половине I – первой половине II века н. э., так описывал события 69 года: «Уверенный в своей безопасности, Гальба вышел на улицу, чтобы встретить войска. Когда какой-то солдат ему похвастался, что убил Отона, он только спросил: ”По чьему приказанию?”

Вскоре император достиг форума, главной площади города. Здесь его уже поджидали мятежные воины, которым было поручено совершить казнь.

Всадники еще издали увидели приближавшегося Гальбу. Они поприветствовали коней, а потом бешеным галопом понеслись на ни о чем не подозревавшего императора. Немногочисленная охрана, сопровождавшая Гальбу, разбежалась.

Описывая гибель императора в своем главном труде, Светоний сообщал, будто некоторые современники слышали, как Гальба воскликнул: «Что же вы делаете, соратники? Я ваш, и вы мои!», он даже пообещал убийцам щедрые подарки, если они вложат мечи в ножны. Другие же очевидцы утверждали, что Гальба сам подставил палачам свою шею и велел делать свое дело.

«Удивительнее всего то, – писал Светоний, – что никто из присутствующих не попытался помочь императору. Все вызванные на помощь войска не послушались приказа, за исключением лишь германских ветеранов: благодарные за недавнюю заботу об их больных и слабых, они бросились на помощь, но по незнанию мест пустились дальним обходным путем и опоздали».

Тацит (1—2 века н. э.) в своей «Истории» описывал смерть Гальбы несколько иначе. Этот древнеримский историк утверждал, что императора предала вся армия, даже его личная охрана: «Завидев приближающихся преторианцев, знаменосец отряда, охранявшего Гальбу, сорвал с древка изображение императора и бросил его на землю. Это значило, что армия целиком перешла на сторону Отона».

Народ, толпившийся как обычно на главной площади города, был разогнан вооруженными всадниками. Отон не хотел, чтобы люди стали свидетелями расправы с неугодным правителем.

«Носильщики императора дрожали от страха, – писал Тацит. – Возле бассейна Курция Гальба вывалился из носилок и покатился по земле.

Последние слова Гальбы передают по-разному те, кто ненавидел его, и те, кто им восхищался. Одни утверждают, что он молил объяснить, в чем его вина, и просил даровать ему несколько дней жизни, дабы успеть раздать солдатам деньги.

Большинство же рассказывает, что он сам подставил убийцам горло со словами: «Делайте, что задумали, и убейте меня, если так нужно для государства». Впрочем, убийцам было все равно, что он говорит».

Уже в начале II века н. э. историки не могли точно назвать имени палача Сервия Сульпия Гальбы. По свидетельству одних, это был ветеран Теренций, другие утверждают, что императора убил преторианец Леканий. Но чаще всего называют имя солдата пятнадцатого легиона Камурия. Якобы именно этот человек проткнул мечом горло Гальбы (его грудь была защищена железным панцирем), а остальные воины в дикой злобе нанесли мертвому обезображенному телу многочисленные ранения, изрезали руки и ноги.

Рассказ Светония дополняет эту историю жуткими подробностями. Называя, как и Тацит, местом убийства Гальбы бассейн Курция, историк утверждает, что тело поверженного императора лежало там до тех пор, пока какой-то рядовой солдат, возвращавшийся с выдачи пайка, не отрубил ему голову.

«Так как ухватить ее за волосы было нельзя, он сунул ее за пазуху, а потом поддел пальцем за челюсть и так преподнес Отону, – говорится в знаменитом труде Светония. – Отон отдал ”подарок“ обозникам и харчевникам, и они, потешаясь, носили голову императора на пике по лагерю с криками: ”Красавчик Гальба, наслаждайся молодостью!“ Главным поводом к этой дерзкой шутке был распространившийся незадолго до этого слух, будто кто-то похвалил его вид, еще цветущий и бодрый, а он ответил: ”Крепка у меня еще сила!“

Известно, что позже голову убитого императора у «шутников» приобрел за 100 золотых вольноотпущенник Патробия Нерониана, жестокого человека, казненного по приказу Гальбы.

Лишь через несколько месяцев после произошедшего тело и голова убитого императора были преданы земле. Управляющий Аргив похоронил Гальбу в его собственных садах, расположенных в районе Аврелиевой дороги.

Братоубийство в Древней Руси

В 1015 году умер знаменитый князь-креститель Владимир I, младший сын князя Святослава Игоревича, прозванный в народе Красным Солнышком. Его мудрое правление способствовало расцвету Древнерусского государства, росту городов, ремесла и уровня земледелия.

Смерть Владимира резко изменила положение в государстве. Его сыновья (всего их было одиннадцать), забыв о единстве, вступили на путь кровопролитных междоусобиц, приведших к ослаблению некогда могущественной Киевской Руси. Жертвами этих усобиц становились не только простые люди, но и представители княжеских родов.

Убийство брата братом – вот характерная особенность той эпохи. Первыми жертвами честолюбивых замыслов старшего брата стали младшие сыновья киевского князя Владимира Красное Солнышко Борис и Глеб.

Еще при жизни отца, примерно в 987—989 годах, Борис получил во владение Ростовское княжество, а Глеб – Муромское. Руководствуясь советами отца править честно и справедливо, молодые князья осуществляли на подвластных им территориях всевозможные мероприятия, направленные на поддержание порядка и укрепление княжеской власти.

Известие о смерти отца и вокняжении в Киеве старшего брата Святополка сильно опечалило Бориса и Глеба. О честолюбивых замыслах князя Туровского, прозванного Окаянным за суровый нрав, в те годы ходили разные легенды.

Многие современники считали, что Святополк ни перед чем не остановится для достижения своей заветной цели – великокняжеского киевского престола. Он даже пойдет на убийство братьев, главных конкурентов в борьбе за первенство.

Опасения древнерусских людей оправдались: в 1015 году Святополк жестоко расправился со своими младшими братьями.

Об этой трагедии рассказывается в «Повести временных лет», первом общерусском летописном своде, а также в ряде других древнерусских летописей.

Согласно свидетельству летописцев, Святополк, вступивший на киевский престол, пытался задобрить киевлян дорогими подарками, но все его усилия пропадали зря. Симпатии горожан были на стороне любимого сына Владимира, молодого князя Ростовского Бориса, находившегося в то время в походе против врагов Древней Руси, кочевников-печенегов. Весть о смерти отца достигла ушей Бориса как раз в тот момент, когда он со своим войском возвращался из южнорусских степей. Не желая соперничать со старшим братом, Борис отказался идти на Киев и остановил свои полки на берегу речки Альты.

Борис и Глеб

Вот как об этом рассказывает летописец: «Сказала же ему дружина отцовская: ”Вот у тебя дружина отцовская и войско: пойдь сядь в Киеве на отцовском столе“. Он же отвечал: ”Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца“. Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками“.

Молодой ростовский князь полагал, что Святополк станет ему вторым отцом, другом и опорой во всех начинаниях. Но не таков был новый киевский князь, и Борис жестоко поплатился за свою наивность.

В летописи говорится о тех страшных днях: «Между тем Святополк задумал незаконное дело, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: ”Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к тому владению, которое ты получил от отца“, но сам обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить».

Однажды ночью Святополк появился в Вышгороде. Призвав Пушту и других богатых вышгородских бояр, он приказал им убить Бориса. Опасаясь немилости Окаянного князя, вышгородцы пообещали ему немедленно исполнить приказание.

Они явились на берег Альты на рассвете. Подойдя к шатру молодого князя, они услышали мелодичный голос, неторопливо выводящий заутреню. Это Борис, узнавший о коварных замыслах брата, простился с жизнью.

Летописец писал: «И, встав, начал он петь шестопсалмие: "Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня"; и еще: "Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною".

И еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою».

Увидев, что вышгородские бояре уже близко, Борис начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные... Скопище злых обступило меня», «Господи, Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня».

За псалмами последовали канон и молитва. В летописи говорится: «И сказал Борис, смотря на икону, на образ владыки: "Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание.

Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех». И, помолившись Богу, возлег на постель свою».

В этот самый момент убийцы напали на безоружного князя. Несколько копий вонзилось в его тело, вскоре из ран полилась алая кровь, но Борис еще был жив. Погиб лишь верный слуга, который, защищая князя, прикрыл его своим телом.

Раненого Бориса убийцы завернули в шатер, положили на телегу и повезли в Вышгород. Узнав, что младший брат еще жив, Святополк отдал приказание двум верным людям прикончить его. Вскоре один из посланных прислал Окаянному меч, которым он пронзил Бориса прямо в сердце.

Тем временем Святополк отправил с ложной вестью посла к другому своему брату, муромскому князю Глебу, еще не знавшему о смерти Владимира Красное Солнышко. Святополк просил Глеба немедленно приехать в Киев: «Отец тебя зовет: сильно он болен».

В сопровождении нескольких десятков дружинников муромский князь, послушный воле отца, отправился в Киев. В «Повести временных лет» говорится, что «когда пришел он на Волгу, то в поле запнулся конь его о яму и повредил себе немного ногу». Глеб был вынужден остановиться в местечке Смярдыне, неподалеку от Смоленска.

В то же время о смерти великого киевского князя и гибели Бориса стало известно среднему сыну Владимира I, новгородскому правителю Ярославу, прозванному в народе Мудрым. И послал он сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, а брат твой убит Святополком».

Услышав горькую весть, опечалился Глеб и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, Господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один?

Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем в свете этом обманчивом жить».

Наверное, молитва Глебова была услышана Всемогушим. Вскоре у его шатра появились посланные Святополком люди с оружием в руках. Дружинники, испугавшиеся неожиданного натиска, покинули Глеба, оставив его наедине с врагами.

«Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба, – свидетельствует летописец. – Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка».

Так погибли братья Борис и Глеб, младшие сыновья славного князя Владимира. Однако судьба жестоко наказала их убийцу, Святополка Окаянного. Вскоре князь Ярослав Мудрый изгнал его из Киева.

Святополку пришлось долго скитаться по степям в поисках помощи. В 1017 году ему удалось собрать войско из печенежских, польских, немецких и венгерских ратников и вновь занять великокняжеский престол. Но его правление и на этот раз оказалось недолгим, вновь Ярослав Мудрый с позором изгнал Окаянного из Киева.

Святополк

Согласно свидетельству летописцев, бежавший с поля боя Святополк умер где-то между Польшей и Чехией, сойдя с ума от мании преследования и бесконечных угрызений совести. Народ быстро забыл о жестоком Святополке Окаянном. А память о братьях Борисе и Глебе жива по сей день. Этот пример из русской истории – яркое напоминание о пагубности княжеской вражды.

В 1071 году, через несколько десятилетий после кровопролитных усобиц, Русская православная церковь канонизировала князей Бориса и Глеба. Их стали почитать как защитников родной земли.

Слабоволие правителя – гибель для государства

История, произошедшая в Мексике во времена правления Монтесумы, звучит совершенно невероятно для любого современного человека. К слову, она и соплеменникам Монтесумы казалась невероятной. Ну, скажите на милость, как мог какой-то испанский мерзавец с кучкой таких же, как он сам, солдат за весьма короткое время прибрать к рукам целую империю ацтеков? Конечно, можно понять растерянность ацтекских воинов, которые никогда не видели живую лошадь и не слышали выстрелов из мушкета. Но, какой бы ни была неожиданной диковинная вещь, к ней все равно можно быстро привыкнуть...

Залог успеха Эрнана Кортеса, испанского конкистадора, заключался не в том, что его воины были храбрыми и хорошо вооруженными, а в той силе, которая держала в страхе всех без исключения ацтеков, как простолюдинов, так и знать. Эта сила не позволяла аборигенам оказывать белым пришельцам отпор, а призывала покорно принимать все, исходящее от них. Эта сила имела обличье императора Монтесумы, который являлся наместником Бога на земле, а значит, и самим Богом.

Император был человеком слабохарактерным, слабовольным и, попросту говоря, трусоватым. Конечно, он был возмущен тем беспределом, который устроили испанцы на его земле, но, с другой стороны, он помнил, что древние пророчества говорили, мол, настанут времена, когда вернутся великие белые боги.

В связи с этим Монтесума велел пристально следить за пришельцами, но не делать ничего, что бы им повредило. Кроме этого, он посылал конкистадорам дары, а также советовался со жрецами и предсказателями.

А испанцы между тем продолжали прибывать. Монтесума предпринимал все, что мог, чтобы уйти от судьбы. Вначале он послал на переговоры с Кортесом своего племянника Какаму, который был вождем Тескоко, потом правителя Истапалапана Куитлауака. Исчерпав все свои возможности, Монтесума покорился тому, что считал неизбежным.

Вот как описывал город Истапалапан Берналь Диас: «В этом городе я увидел вещи небывалые, какие и во сне не могут привидеться... Большие и великолепные дворцы из камня, сады, пруды с пресной водой и множество иных диковин. Во фруктовые сады по каналу из озера могли заплывать большие челны... Я и не думал, что на свете могут быть такие земли, как эта, потому что в то время Перу еще не открыли, о нем никто даже и слыхом не слыхивал. А сейчас все это разрушено, разорено, заброшено, ничего не осталось от прежнего».

После многих дней похода конкистадоры подошли к границам заветного города Теночтитлана, который был столицей империи ацтеков. У ворот города их встретил сам могущественный император, на которого никто из его подданных не смел даже глаз поднять. Кортес, конечно же, не ожидал такой пышной встречи.

Вот описание этой церемонии: «На Монтесуме были богатые одежды: плащ, украшенный драгоценностями, на голове надета легкая корона из золота, на ногах – золотые сандалии, с кожаными тесемками, украшенными драгоценными камнями. Четверо слуг несли паланкин, инкрустированный золотыми пластинами, балдахин которого был изготовлен из зеленых перьев и украшен золотом. Императора сопровождали 200 знатных вельмож, одетых в богатые одежды, но босых. Перед паланкином шли три сановника с золотыми жезлами в руках, которые они то и дело поднимали вверх, оповещая при этом народ о появлении державного правителя».

Испанцев ошеломила такая торжественность и пышность, а также блеск драгоценных камней и золота. Золото было повсюду: в короне, сандалиях, одежде, паланкине. Его было так много, что оно могло бы, кажется, удовлетворить любую алчную натуру. А владельцем

всего этого богатства и великолепия был нерешительный, растерянный человек с не всегда понятными мотивами поведения. Конечно, Монтесума знал, что творится на огромных просторах его империи, потому что каждый день ему приносили бумаги с отчетами о происходящих событиях. Берналь Диас в своих дневниках записал: «Император понял, что главной целью конкистадоров являются поиски золота». И Монтесума дал им золото. Но при этом вел себя очень нерешительно и непоследовательно. Он то демонстрировал враждебность по отношению к пришельцам, то заваливал их дарами, то отказывался встречаться с ними, то назначал аудиенцию.

Монтесума

В конце концов Кортес вынудил императора открыть испанцам городские ворота. Авантюристы вступили в столичный Теночтитлан.

Очень скоро испанцы захватили весь город: дворцы, сокровища и даже самого императора, который стал заложником в собственном жилище. Во дворце Монтесумы конкистадоры обнаружили потайную сокровищницу, ключи от которой они вскоре отобрали у императора. Практически все золотые украшения они переплавили в слитки, оставив только те из них, которые были особенно красивыми. В руках испанцев оказались три огромные кучи

золота, дележ которого мог стать причиной раздоров, недовольства, зависти и ссор. Пока все эти чувства пришельцы держали при себе, но надолго ли?

Монтесуму охраняли днем и ночью, хотя и надели на него оковы. Подданных он принимал в присутствии охранников, храмы посещал в сопровождении 200 вооруженных испанских солдат. И хотя каждое такое посещение превращалось в пышную церемонию, с него не спускали глаз.

Родственники и друзья императора злились и кипели от возмущения, видя, как унижают их правителя. Монтесума старался успокоить их. Его ближайший родственник Куаупока атаковал расположившийся в Веракрусе испанский гарнизон во главе с Хуаном де Эскаланте, который оставил там Кортес. Между ацтеками и испанцами произошла ожесточенная схватка, в ходе которой было убито несколько испанцев и множество их союзников из племени тотонаков. Погиб и Хуан де Эскаланте. Один испанский солдат, как сказали про него ацтеки, «человек с большой, черной, курчавой бородой», был тяжело ранен и попал к ним в плен. Вскоре он скончался от полученных ран. Чтобы не везти к императору тяжелое тело, аборигены отрубили солдату голову и доставили ее Монтесуме. Тот, увидев такой жуткий подарок, пришел в ужас. Он не позволил принести голову в дар богам и выставить ее в одном из храмов Теночтитлана.

Кортес потребовал, чтобы император наказал тех, кто напал на его гарнизон в Веракрусе. И хотя Куаупока говорил, что нападение было совершено по приказу Монтесумы, император выдал испанцам своего родственника и военачальника, а также одного из его сыновей и 15 знатных горожан, которые принимали участие в схватке. Испанцы вынесли из всех военных складов луки, стрелы, щиты, копья, соорудили из всего этого огромный костер, на котором и сожгли Куаупоку и его соратников.

Произведя такой маневр, Кортес одним выстрелом убил двух зайцев: он обезоружил горожан и дал понять Монтесуме, что нужно быть покорным.

Правитель Тескоко и племянник Монтесумы – Какама – решил отомстить пришельцам за все притеснения и унижения. Он обратился с этим предложением к своим соседям по землям. Когда соседи отвергли призыв Какамы, он собрал совет города, на котором большинством голосов было принято решение самостоятельно вести войну с испанцами.

Об этом решении мгновенно узнал не только Монтесума, но и Кортес. Император направил к Какаме послов, напоминая ему о дружбе и подарках, полученных во время первой встречи в Айоцинко. Какама просил послов передать императору такие слова: «Я не могу считать друзьями тех, кто отнял у меня честь, угнетает мою родину и оскорбляет мою религию». Ни одна из попыток Монтесумы заманить Какаму во дворец не увенчалась успехом. Тогда разгневанный император послал в Тескоко нескольких своих вассалов с приказом немедленно схватить мятежного касика и доставить его в Теночтитлан.

Резиденция Какамы находилась на берегу озера, что значительно облегчило вассалам выполнение возложенной на них миссии. Мятежный правитель был арестован и посажен в темницу. Вскоре за ним последовали правители Тлакопана, Тлателолько, Истапалапана и Койоуакана (правители последних двух городов были братьями Монтесумы). А малодушный и трусливый император ацтеков докатился до того, что даже признал себя вассалом короля Испании, хотя, согласно историческим документам, «испытывал столь великие страдания, что прослезился во время речи, обращенной к народу».

Через полгода пребывания в Теночтитлане Кортес впервые покинул город. Он помчался в Веракрус, где высадился Панфило де Нарваэс, которого послал Диего Веласкес с приказом арестовать Кортеса как беглого мятежника. Своим заместителем в ацтекской столице Эрнан Кортес оставил Альварадо.

Через несколько дней после того, как уехал Кортес, авантюрист и бандит Альварадо решил повторить подвиг своего командира Кортеса в Чолуке. Он дождался, пока знатные

местные жители в праздничных одеждах, украшенных драгоценностями, собрались в Большом храме для праздничного принесения молитвы богам. После этого он напал на них и устроил резню.

Бог Кецалькоатль

Обратимся к записям ацтекского летописца: «И вот, когда рассвело, ранним утром, открыли лицо Бога те, кто дал обет совершить это. Они расположились цепочкой перед идолом и начали воздавать ему хвалу... И вот уже вознесли его, поставили на пирамиду. И все мужчины, все молодые воины радостно готовились провести праздник... И когда все собрались, праздник начался, и открылся он пением и танцем змеи... И те, кто постился 20 дней, и те, кто постился целый год, шли во главе процессии... И вот уже все танцуют, поют, и одна песнь сменяет другую, мелодии накатываются одна на другую, словно волны, а в этот самый момент испанцы решают убить людей... Они закрывают все входы и выходы... чтобы никто не смог ускользнуть... Они окружают тех, кто пляшет, бросаются к месту, где играли атабали, накидываются с мечами на того, кто играл, и отрубают ему руки. Затем обезглавливают его, и далеко откатилась отсеченная голова. И тут все начинают колоть и рубить людей... Некоторые пытаются убежать, но у выхода их ранят и закалывают. Другие стараются взобраться по стенам, но не могут спастись... Иные спрятались среди погибших и притворились мертвыми, чтобы избежать страшной участи. Те, кто притворились мертвыми, спаслись. Но, если кто-то приподнимался или вставал на ноги, его тут же закалывали. Кровь

воинов лилась ручьями, текла повсюду, словно вода, образуя лужи, и тошнотворный запах крови и распоротых внутренностей стоял в воздухе».

Узнав о резне, жители Теночтитлана подняли бунт. Они окружили дворец и не желали слушать своего императора, который вышел к ним в сопровождении Ицкуауцина и пытался успокоить разъяренную толпу. Но в толпе уже слышались воинственные возгласы и призывы к мщению, а вскоре на возвышение, где стоял император, посыпались стрелы. Испанцы закрыли Монтесуму и Ицкуауцина своими щитами.

После этого горожане закрыли рынок, чтобы испанцы не могли пополнять запасы пищи. Монтесума еще раз попытался успокоить подданных. Для этого он послал к ним своего брата Куитлауака, который до этого времени содержался во дворце императора в качестве пленника. Но пленник не вернулся во дворец, а встал во главе мятежного народа. Он с самого начала знал, какими будут последствия трусливой политики Монтесумы.

Головорезу Альварадо с небольшим отрядом солдат пришлось нелегко. Он не ожидал, что ацтеки взбунтуются, видимо, думал, что они и дальше будут безропотно сносить свое уничтожение. Опасаясь гнева Кортеса, 30 июня 1520 года Альварадо приказал убить Монтесуму. Через 4 дня после резни, устроенной в храме, горожане обнаружили трупы Монтесумы и правителя Ицкуауцина, валявшиеся вдали от дворца, рядом со стеной.

После того как трупы были опознаны, императора отнесли в место, которое называется Кополько. Дальнейшее описывает летописец: «Положили тело Монтесумы на костер, зажгли огонь, и вот затрещало пламя, разбрасывая искры, и взметнулось ввысь длинными языками. И тело Монтесумы пахло горелым мясом, и пока оно горело, испускало зловоние. И пока оно горело, люди ругали его и смеялись. А другие люди бормотали что-то сквозь зубы, бормотали и покачивали головой».

Королевская «милость»

Томас Мор занимал должность канцлера Англии в период с 1529 по 1532 год. Когда к власти пришел Генрих VIII, он заставил Мора принести присягу. Мор должен был выказать верность Генриху как главе англиканской церкви. Но канцлер был католиком и признавал только церковную власть Папы Римского. Поэтому он отказался присягать королю Генриху VIII. Этот факт был расценен как государственная измена, Мора бросили в казематы Тауэра. Вскоре его осудили на смертную казнь. Вот что было написано в судебном приговоре по делу Мора: «Вернуть его (Томаса Мора) при содействии констебля Уильяма Кингстора в Тауэр, оттуда влечь по земле через все лондонское Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы он замучился до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, отрезать половые органы, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту».

Уильям Кингстор был верным другом Томаса Мора, но он столь же искренне был предан королю. Исполнение долга Кингстор ставил выше личных чувств. Поэтому он выполнил приказ о сопровождении осужденного на смерть в Тауэр. Он трогательно, со слезами на глазах простился с Мором. Позже он рассказал сыну Томаса Мора Уильяму Роперу: «Честное слово, мне было стыдно за себя. Уходя от вашего отца, я почувствовал такую слабость духа, что он, которого я должен был утешать, был столь мужествен и тверд, что сам утешал меня».

Дочь Мора, Маргарита Ропер, каждый день посылала в Тауэр свою служанку Дороти Колли, которая носила письма узнику и ответы от него. В последний день перед казнью Томас Мор вместе с письмом передал дочери свою власяницу и бич. В письме Мор прощался со своей семьей, посылал свое благословение, утешал их как мог. Он говорил о своем искреннем желании предстать перед Господом не позднее, чем завтра, т. е. 6 июля, в канун дня Фомы Кентерберийского и на восьмой день после праздника апостола Петра.

На рассвете 6 июля 1535 года в Тауэр приехал Томас Поп – служащий канцелярского суда и друг Мора. Поп сказал Мору, что его должны казнить в 9 часов утра. Еще он сообщил о «милости» короля: Генрих VIII заменил Мору мученическую смерть в Тайберне на отсечение головы.

Томас Мор

По одной версии, Мор спокойно выслушал сообщение Попа и поблагодарил короля за оказанную милость. По другой, он с горечью воскликнул: «Избави, Боже, моих друзей от подобного королевского милосердия!» Даже враги и недоброжелатели Томаса Мора отмечали его необыкновенную твердость духа и мужество, с каким он готовился к смерти. Казалось, что он совсем не боится казни. Он находил в себе силы даже для шуток. Например, когда его доставили в Тауэр, один из служащих потребовал верхнюю одежду узника в качестве вознаграждения. Мор снял колпак и отдал со словами, что это самая верхняя одежда, которая у него есть.

В те времена на любую казнь собирались огромные толпы народа. Так было и в этот раз. Мор спокойно прошел мимо стоящих людей. Шел он очень медленно, потому что пытки и допросы, а также сырые казематы Тауэра отрицательно сказались на его здоровье. У Мора был изможденный вид и серый цвет лица. Тем не менее, когда он останавливался на короткое время, чтобы перевести дух, люди могли видеть, что в его серых глазах, как и прежде, светились мужество, твердость духа и даже юмор.

Дойдя до наспех сколоченного деревянного помоста, он сказал одному из тюремщиков: «Пожалуйста, помоги мне взойти, а сойти вниз я как-нибудь попытаюсь сам». Способность шутить была с ним до последней минуты. Король, убоявшись людского осуждения, запретил Мору обращаться с последним словом к народу. Генрих не без основания опасался, что народ поймет чудовищную несправедливость этой казни, являвшейся, по сути, убийством.

В связи с этим свои последние слова Томас Мор произнес, обращаясь к палачу: «Шея у меня коротка, целясь хорошенько, чтобы не осрамиться».

Когда осужденный стал на колени и положил голову на плаху, он сказал: «Погоди немного, дай убери бороду, ведь она не совершала никакой измены». Через секунду голова Томаса Мора слетела с его плеч.

За что убивали королевских жен?

Приход к власти честолюбивых садистов вроде Калигулы, Ивана Грозного, Сталина или Пол Пота всегда знаменует собой массовые кровопролития и череду безжалостных казней, с помощью которых правители пытаются привести в повиновение возмущенных сограждан. Так уж повелось с давних времен, и удивляться этому не приходится.

Удивительно другое: ведь находятся люди, которые по прошествии ряда лет пытаются оправдать «подвиги» таких кровожадных исторических личностей государственной необходимостью или политической обстановкой.

Однако чем объяснить поведение английского короля Генриха VIII – одного из самых жестоких правителей в мировой истории? От его произвола и своеволия страдали не только люди из ближайшего окружения, но и члены королевской семьи, в том числе и жены.

Называя себя центром Вселенной, Генрих VIII искренне верил в свою исключительность. Более того, он полагал, что совершаемые им дела и поступки идут на благо государству, человечеству и любимому Генриху, следовательно, для достижения всех целей хороши любые, даже самые безумные средства. Вероятно, именно эта безграничная самоуверенность избавила короля от угрызений совести.

К тому времени, когда Генрих VIII впервые увидел молодую и весьма привлекательную Анну Болейн, дочь и единственную наследницу герцога Норфолка, на его счету было уже большое количество загубленных жизней.

Король, в сердце которого разгорелась безумная страсть, решил завладеть красавицей. Однако избранница не отвечала ему взаимностью: ее не интересовал грузный, уже немолодой король. Сердце Анны принадлежало другому – старому другу, красавцу Генри Перси.

Но холодность девушки не остановила обезумевшего от любви Генриха, несмотря на то что к моменту знакомства с Анной Болейн король уже давно был женат. Семейная жизнь ему уже успела наскучить.

Стоит отметить, что законная супруга Генриха VIII, королева Англии Екатерина Арагонская, была гораздо старше мужа, ее в большей степени привлекали религиозные праздники, чем мирские развлечения. Король же был не прочь весело провести время, естественно, что нравоучения жены ему порядком надоели. При помощи Генриха родители разрушили романтические грезы Анны Болейн и Генри Перси. Юношу спешно женили на другой, Анна же оказалась под строгим надзором.

Ежедневные визиты короля будоражили воображение честолюбивой девушки. В своих мечтах она уже рисовала картины прекрасной жизни во дворце Генриха. Анна решила: раз уж ее лишили счастья с любимым человеком, то наградой ей станет королевская корона.

Вскоре девушка начала плести интриги: она заявила, что никогда не станет любовницей короля, завладеть ею он сможет, лишь сделав своей женой и королевой Англии. Обезумевший от страсти Генрих был согласен на все, лишь бы недоступная красавица стала его.

Попытка короля развестись с законной супругой не увенчалась успехом, Папа Римский не дал ему развода. Дело в том, что Екатерина Арагонская являлась испанской принцессой, и развод с ней послужил бы началом мирового скандала. К тому же от брака с Екатериной у Генриха была дочь, единственная наследница английской короны.

Король, привыкший получать все, что захочет, пребывал в дикой ярости. В его голове возникали безумные планы: начать крестовый поход против Рима, отравить законную супругу и т. п. Генрих был готов разрушить королевство, да что там королевство, он не пощадил бы весь мир ради Анны Болейн.

Хитроумный архиепископ Крамнер предложил королю свой план, согласно которому Генрих должен был разорвать отношения с Папой Римским и взять церковную власть в свои

руки. Будучи тонким психологом, Крамнер воздействовал на психику Генриха, постоянно повторяя, что он помазанник Божий.

И король Англии решился на церковный раскол. Вскоре он провозгласил себя и свое государство независимым от папской воли – это дало ему право объявить свой прежний брак незаконным, а единственную дочь незаконнорожденной.

Вскоре Генрих отослал бывшую жену и дочь в одно из отдаленных имений. Поступок отца оказал сильное влияние на робкую девочку. И не случайно из хрупкой принцессы выросла грозная королева Мария Тюдор, прозванная за свою жестокую политику Марией Католичкой или Марией Кровавой.

Развод Генриха в 1533 году и последовавшие за ним свадьба и коронование разрушили неприступные стены, возведенные Анной Болейн. Однако новая королева не учла того, что страсть недолговечна, довольно быстро она сменяется привычкой.

Уже через несколько месяцев после свадьбы Генрих перестал уделять молодой жене былое внимание, прелесть новизны в отношениях вскоре исчезла, и между супругами наступило охлаждение. К тому же через девять месяцев вместо долгожданного наследника Анна родила королю еще одну дочь (напомним, что первая была у него от первого брака), второй ребенок Анны и Генриха появился на свет мертвым.

Ненависть подданных, холодность супруга и дворцовые интриги – вот тот мир, в котором пришлось жить новой английской королеве.

Стоит отметить, что Анна Болейн не сумела даже завоевать симпатии народа, справедливо полагавшего, что именно по милости второй супруги Генриха VIII казнили знаменитого писателя-гуманиста Томаса Мора, позволившего себе дать негативную оценку поступку короля.

Итак, жизнь Анны Болейн в королевских покоях была не такой уж безоблачной. Генрих, относившийся к постоянно болеющей после тяжелых родов супруге с высокомерным презрением, искал утешения у придворных красавиц. Вскоре он увлекся жизнерадостной черноглазой брюнеткой Джейн Сеймур.

Стремясь любыми способами избавиться от неугодной супруги, король невольно выставил себя на посмешище. Он обвинил Анну в том, что она нарушила обязательство родить ему наследника престола. Более того, усмотрев в этом кару Божью, Генрих заявил, что женился на Анне Болейн по наущению дьявола; следовательно, эта женщина никогда не была его законной супругой, и он в любое время может вступить в новый брак.

Жалобы Генриха на измены королевы вызывали лишь недоумение и смех придворных. Эта информация вскоре просочилась за стены дворца и стала известна иностранным правителям.

Так, французский посол Шапюи сообщал своему господину: «Король громко говорит, что более ста человек имели с его женой преступную связь. Никогда никакой государь или вообще никакой муж не выставлял так повсеместно своих рогов и не носил их со столь легким сердцем».

Практически все так называемые любовники Анны Болейн были посажены в Тауэр, однако вскоре по приказу милосердного Генриха их освободили. В заговоре против короля обвинили лишь лиц, арестованных раньше других.

Обвинение было предъявлено и королеве Анне: ей инкриминировалась преступная связь с музыкантом Смитом, придворными Норейсом, Вестоном, Брертоном и, наконец, с ее братом Джоном Болейном, графом Рочфордом. Якобы некоторым из этих людей Анна обещала отдать руку и сердце (и, видимо, королевскую корону) в случае удачного свершения задуманного.

Заговорщикам ставилось в вину принятие подарков от королевы, частичная реализация преступных замыслов, направленных против жизни и здоровья короля, а также, что весьма любопытно, ревность друг к другу.

В последних строках обвинительного акта говорилось: «Король, узнав обо всех этих преступлениях, бесчестиях и изменах, был так опечален, что это вредно подействовало на его здоровье».

Тауэр и Тауэрский мост

Особого внимания и тщательности в рассмотрении требовал вопрос о хронологии воображаемых измен королевы. Малейшая неточность могла поставить под сомнение законорожденность дочери Анны, Елизаветы, а это, в свою очередь, повлекло бы жаркие споры о престолонаследии: сторонники испанской партии рассчитывали возвести на трон после смерти короля его дочь Марию, которую Генрих когда-то провозгласил рожденной вне брака.

В конце концов, король согласился с мнением большинства придворных, что будет весьма неприлично обвинять жену в неверности с первых дней совместной жизни. В этом случае Генрих просто-напросто лишился наследников: от первой дочери он отказался сам, а вторую могли бы признать ребенком Норейса, одного из обвиняемых.

Была проделана большая работа над датами, целью которой являлось утверждение законности рождения Елизаветы. Все мнимые супружеские измены судьи отнесли ко времени, когда Анна родила мертвого ребенка.

12 мая 1536 года состоялся судебный процесс по делу Норейса, Брертон, Вестона и Смитона. Против них не имелось никаких улик, если не считать полученных под угрозами показаний Смитона, однако, сообщая о своей связи с королевой, этот человек отрицал намерение убить Генриха.

Тем не менее суд, состоявший из людей, ненавидевших королеву, вынес свое решение: все обвиняемые были приговорены к квалифицированной казни, состоявшей из нескольких этапов, – повешения, снятия еще живыми с виселицы, сожжения внутренностей, четвертования и обезглавливания. Здесь стоит упомянуть о «милости» короля: квалифицированную казнь дворянам заменили обезглавливанием.

Отсутствие прямых доказательств вины преступников вынудило Генриха отдать приказание судить Анну и ее брата Джона не судом всех пэров, который мог бы оправдать неугодную королю супругу, а специальной комиссией, состоящей из представителей враждебной семейству Болейн придворной партии.

Помимо перечисленных в обвинительном заключении преступлений, королева признавалась виновной в том, что вместе с братом издевалась над венценосным супругом, поднимая на смех его приказания (речь, видимо, шла о критической оценке, даваемой Анной и Джоном литературным творениям короля).

Процесс явился лишь игрой, в которую решил напоследок поиграть Генрих. Приговор зависел от его королевской воли: сжечь ли Анну на костре как ведьму или казнить путем обезглавливания. По распоряжению Генриха казнь королевы должна была состояться через два дня после суда над Джоном Болейном. Эта отсрочка объяснялась лишь желанием короля получить развод.

Через 12 часов после объявления о расторжении брака Генриха VIII с Анной Болейн в Тауэр поступил приказ, в котором сообщалась дата казни бывшей королевы. На следующий день печальное событие свершилось. Выступая перед собравшимися с предсмертной речью, Анна проявила необыкновенное великодушие к своему палачу, в ее словах не было ненависти.

«Я не обвиняю никого, – сказала бывшая королева. – Скоро меня не станет, но вы не забывайте, что я чтילה нашего доброго короля, который был милостив ко мне. Вы будете счастливы, если Господь даст ему долгую жизнь, так как он одарен многими хорошими качествами: страхом перед Богом, любовью к своему народу и другими добродетелями, о которых я не буду упоминать».

Казнь Анны можно назвать экспериментальной. В то время как в Англии обезглавливание производили секирой, во Франции пользовались мечом. Генрих решил воспользоваться опытом французов и опробовать его на собственной жене. Однако в Англии достаточно компетентного в этом деле человека найти не удалось, пришлось выписывать специалиста из Кале.

Палач, доставленный на казнь, прекрасно знал свое дело: один взмах меча – и голова Анны Болейн упала с плеч. Узнав о том, что дело сделано, король, в нетерпении ожидавший казни бывшей супруги, весело воскликнул: «Дело сделано! Спускайте собак, будем веселиться!» Вскоре начался пир на костях. Тело казненной еще не успело остыть, когда Генрих VIII сыграл свою третью свадьбу. На этот раз его супругой стала Джейн Сеймур, роман с которой начался у короля еще при жизни Анны.

Новая королева избежала печальной участи предыдущей супруги. Ей посчастливилось умереть естественной смертью во время родов. От этого брака у Генриха остался наследник, будущий король Эдуард VI.

Вскоре после смерти третьей жены у Генриха появилась новая фаворитка, Анна Клевская. Супружеская связь этой пары оказалась на удивление кратковременной: король, испуганный малопривлекательной внешностью Анны, щедро одарил ее и выслал из столицы.

Пятой женой Генриха VIII стала Екатерина Говард, двоюродная сестра Анны Болейн. Видимо, родственные связи проявились не только во внешнем сходстве, но и в печальной судьбе обеих королев.

Юная Екатерина Говард, занявшая королевский трон и возымевшая влияние на своего пожилого супруга, сильно мешала архиепископу Краннеру, потому что дядя Екатерины, герцог Норфолк, призывал новоиспеченную королеву к прекращению проведения церковных реформ, бывших основным источником доходов для архиепископа.

Не желая раньше времени раскрывать свои коварные замыслы, Кранмер и его сторонники лицемерно выказывали почтение Екатерине Говард. Их ожидание не пропало даром.

В октябре 1541 года врагам королевы предоставилась счастливая возможность очернить венценосную особу в глазах ее мужа Генриха.

Один из мелких придворных служащих по фамилии Ласселе донес Крамнеру, что Екатерина долгое время находилась в любовной связи с неким Френсисом Дергемом. Ласселе утверждал, что получил эти сведения от своей сестры, служившей на протяжении ряда лет няней у старой герцогини Норфолк. Еще один человек, некто Мэннокс, сообщил, что видел на интимном месте тела королевы родинку.

Вскоре Крамнер, канцлер Одли и герцог Хертфорд раскрыли глаза ревнивому мужу на преступления его молодой супруги. Заметим, что данная информация поступила к королю в письменном виде, поскольку клеветники «не имели мужества устно сообщить ему об этом».

Для решения возникшей проблемы собрался государственный совет. Все виновные, в том числе Мэннокс и Дергем, подверглись аресту и допросу с пристрастием. Никто даже не осмелился подумать, что грехи королевы были лишь невинной забавой по сравнению с предшествующей, чистой, жизнью самого Генриха.

Двадцатилетняя Екатерина была шокирована свалившимся на нее несчастьем. Она прекрасно помнила, что стало с ее сестрой, обвиненной королем в супружеской измене. В этот момент Екатерину и навещил архиепископ Крамнер.

Обещая похлопотать за нее перед Генрихом, он вынудил молодую королеву признаться в связи с Френсисом Дергемом. Тем временем нужные показания были выпытаны у ее любовника и Мэннокса, видевшего родинку.

Через несколько дней на заседании совета полученные сведения огласили. Потрясенный Генрих молча выслушал все сказанное, а потом неожиданно для всех разразился бранной тирадой. Этот крик ревности и злобы предрешил участь всех обвиняемых.

Однако не только король поверил Крамнеру и его сообщникам. Известно, что старый герцог Норфолк со слезами на глазах и с болью в сердце рассказывал о горе короля французскому послу Марильяку. Он утверждал, что его племянница «занималась проституцией, находясь в связи с семью или восемью лицами».

Тем временем арестовали еще одного человека, некоего Келпепера, бывшего жениха Екатерины Говард (она собиралась выйти за него замуж еще до знакомства с Генрихом). Обвинение, предъявленное Келпеперу, основывалось на послании, написанном ему Екатериной уже после того, как она стала королевой.

Дергему и Келпеперу был вынесен смертный приговор. В ходе перекрестных допросов, продолжавшихся в течение 10 дней после объявления арестованным их дальнейшей участи, судьям не удалось узнать ничего нового.

Просьба Дергема о простом обезглавливании осталась без внимания: король посчитал, что этот человек не заслуживает подобной милости. Однако снисхождение было проявлено к Келпеперу. Вскоре состоялись казни.

Настал черед королевы. В этот трагический час семья отвернулась от нее. Герцог Норфолк даже отослал письмо Генриху, в котором выражал королю сочувствие. Его не заботила судьба юной Екатерины, он думал только о себе.

Герцог писал: «После отвратительных деяний двух моих племянниц Его Величеству будет противно снова услышать что-либо о моем роде, но обе преступницы не питали ко мне особых родственных чувств, поэтому я осмеливаюсь просить о сохранении вашего королевского благорасположения, без которого я никогда не буду иметь желания жить».

Через несколько дней парламент, послушный воле Генриха, принял обвинительное постановление, согласно которому королева подвергалась аресту и переводилась в Тауэр.

13 февраля 1542 года состоялась казнь Екатерины Говард, пятой жены Генриха VIII. Перед смертью она призналась, что всю жизнь любила Келпепера и хотела быть его женой

больше, чем королевой. Женщина выразила искреннее сожаление по поводу того, что стала невольной причиной его гибели.

Но, прежде чем произнести признание, Екатерина сказала: «Я не нанесла вреда королю». Похоронили эту двадцатилетнюю женщину рядом с Анной Болейн, первой жертвой дикой ревности Генриха VIII.

Путь конкистадора

Франсиско Писарро родился в 1478 году. Годом его смерти считается 1541. Жизнь его была наполнена приключениями. За 63 года он смог принять участие в завоевании Перу, а также захвате и уничтожении страны инков, которая носила загадочное название Тауантинсуйу. Кроме того, Писарро считается основателем семи городов, в число которых входит и Лима.

Благодаря памятникам письменности стало известно, что Франсиско Писарро родился в небольшом городе Трухильо, что в провинции Эстремадура. Франсиско был незаконнорожденным ребенком. Родителями его были дон Гонсало Писарро, которого в округе звали Высокий, и Франсиска Гонсалес, дочь местного крестьянина. Знатный титул был пожалован дону Гонсало незадолго до рождения внебрачного сына. До того это был обычный солдат, каких много тогда состояло на службе в королевской армии.

Необходимо сказать, что родившийся мальчик был не нужен ни матери, ни тем более отцу. А потому он воспитывался на улице, играя с местными мальчишками в какие-либо игры. Изредка маленький Писарро занимался тем, что пас свиней или овец. Вероятнее всего, те картины природы, которые он видел в детстве и ранней юности, и заставили Франсиско мечтать о беззаботной жизни, авантюрах и веселых приключениях.

Историки полагают, что Франсиско Писарро покинул свой родной городок в возрасте 19 лет. Он сразу же устроился на службу в испанскую армию, которая воспитала в юноше настоящий, волевой и целеустремленный характер.

В 1502 году Франсиско Писарро был уже не желторотым новобранцем, а достаточно опытным солдатом. Таким его и отправили в Южную Америку. Испанская армия тогда предприняла военное наступление на остров Эспальола (сегодня он носит название Гаити), где уничтожала поселения индейцев.

Спустя некоторое время Франсиско Писарро оказался в отряде знаменитого тогда Алонсо де Охеде. Именно он пользовался у испанских солдат особенной популярностью, поскольку одним из первых разработал тактику и стратегию нападения на села аборигенов. Во всех военных испанских отрядах ходили легенды о том, как солдаты де Охеде побеждают коренных жителей Южной Америки, оставляя после своего ухода горы растерзанных трупов.

В 1513 году Франсиско Писарро познакомился с Васко Нуньесом де Бальбоа и вместе с ним предпринял попытку пересечь Панамский канал. С того времени Тихий океан стали считать испанскими владениями. Позже пересечение Писарро и де Бальбоа Панамского канала вошло в историю под названием «первого отважного похода в погоне за Большим призом». «Большой приз» – именно так испанцы окрестили Южную Америку, завоевать которую они стремились, вероятно, со дня сотворения мира.

Основание известного сейчас каждому жителю земли города Панама произошло, как уверяют историки, в 1519 году. Одним из первых там поселился Франсиско Писарро. К тому времени это был уже сорокалетний мужчина, который пользовался у сограждан большим уважением и владел несметным, как полагали многие, богатством. Тогда он был владельцем большого поместья, и на его обширных плантациях работали индейцы-рабы. Спустя некоторое время Франсиско Писарро был назначен губернатором Панама.

Однако кровь буквально бурлила и закипала в жилах Писарро, который, казалось, с самого рождения жаждал невероятных приключений. Необходимо заметить, что в начале XVI столетия уже более 200 000 испанцев смогли пересечь Атлантический океан и поселиться в Южной Америке.

Среди тех, кто оказался на соседнем континенте, было немало представителей испанского дворянства, ищущих в чужой земле славу и богатство. Но не только они покидали в то время родную Испанию. Среди эмигрантов были и люди других сословий, а именно: купцы, жаждавшие поймать удачу за хвост в другой стране, ремесленники, которые на родине оказались не у дел, а также многочисленные монахи, решившие посвятить остаток своей жизни одиночеству и скитаниям по чужой земле.

Среди таких искателей новой жизни и приключений оказался и Франсиско Писарро, губернатор Панамы. Что повлияло на его решение оставить спокойную жизнь в достатке и пуститься в дальнее и весьма небезопасное плавание, до сих пор остается загадкой для многих историков. Вероятнее всего, причиной тому служил его беспокойный и неугомонный характер. Подтверждением этому являются и рассуждения биографов Писарро, которые не раз говорили о его увлечении азартными играми, как то игра в кости, кегли и пелоту (бакская национальная игра в мяч).

Но, несмотря на свой авантюрный характер, Писарро все же нельзя назвать неосмотрительным и легкомысленным человеком. Только две страсти могли заставить его забыть об осторожности. Это военные походы и путешествия, которые неизменно приносили ему славу.

Итак, в 1524 году Франсиско Писарро начал подготовку к долгому плаванию по Атлантике в поисках Южной Америки. Прежде всего необходимо было купить судно. Однако имеющихся у Писарро денег не хватило бы даже на то, чтобы выкупить паруса с мачтами. Тогда он решил обратиться за помощью к своим давним друзьям, Диего де Альмагро и священно-служителю Эрнандо де Луке. Рано утром 14 ноября 1524 года корабль двинулся в путь по морским просторам в направлении Южно-Американского континента.

Это была первая исследовательская экспедиция, которую организовал и возглавил знаменитый Франсиско Писарро. Однако мечте мореплавателя тогда не суждено было исполниться. Попастъ в Южную Америку Писарро смог только спустя четыре года, в 1528 году. После того как корабль пересек линию экватора, Писарро велел капитану вести его к берегу. Так команда путешественников оказалась на неизведанном континенте.

Спустя некоторое время Писарро удалось побывать в Перу и Эквадоре.

Франсиско Писарро

В одном из перуанских поселений навстречу европейским путешественникам вышла женщина-вождь. На ней были надеты нарядные одежды, а руки и ноги украшали массивные изделия из золота и серебра. Европейцы поняли, что новая земля необычайно богата и может подарить им свои богатства. По возвращении в Панаму Писарро решил немедленно отправиться в Испанию, представиться королю и рассказать о существовании «райской земли», которую люди называли Южной Америкой.

Тогда нельзя было предпринимать самостоятельные путешествия или военные походы без соответствующего разрешения на то монарха. Именно поэтому Писарро так спешил предстать перед королем Испании.

В Толедо Франсиско Писарро прибыл только в конце 1528 года. Хороший рассказчик, каким был знаменитый путешественник, не мог не произвести на 28-летнего испанского монарха хорошее впечатление.

В тот же день королю Испании Карлосу был представлен и другой, не менее знаменитый, чем Писарро, человек. Это был Эрнан Кортес, который вместе со своим войском совсем недавно смог завладеть поселениями ацтеков. В знак уважения он преподнес монарху поистине королевский подарок – всевозможные украшения, изготовленные ацтеками из золота, серебра и драгоценных камней.

Судя по сохранившимся источникам, Писарро находился в близком родстве с Эрнаном Кортесом. Он-то, видимо, и подал путешественнику идею о том, каким образом можно завоевать сердце испанского владыки. На следующий день Писарро явился ко двору с щедрыми дарами. В нескольких сундуках лежали драгоценности, привезенные Писарро из разгромленных его солдатами поселений инков.

Не нужно говорить о том, что король Испании остался доволен подарком. В ответ он наделил Писарро титулом губернатора и дал благословение на дальнейшие путешествия.

Таким образом, Франсиско Писарро стал первым среди конкистадоров, кто получил от испанского короля столь щедрую награду за свои труды.

От берегов Испании корабль Франсиско Писарро отплыл в начале 1530 года. А в начале 1531 года он отправился в новое путешествие к землям Южной Америки. Экспедиция состояла из трех больших судов, которые везли на своих бортах 180 солдат, 27 лошадей, оружие, боеприпасы, провизию и необходимую в таком долгом путешествии одежду.

Писарро хорошо понимал, что отряд численностью 180 солдат никогда не сможет покорить огромную страну инков, пути к которой день и ночь охраняются местными жителями. Однако организатор экспедиции ни на минуту не отчаялся, словно предчувствуя успех предприятия.

Капитан Руис направил караван кораблей вдоль побережья Южной Америки. Спустя некоторое время они оказались недалеко от Тумбеса. Однако пристать к берегу судам помешал разыгравшийся на море шторм. Казалось, сама природа взбунтовалась против путешественников-первооткрывателей. Высокие волны и сильный порывистый ветер буквально обрушивались на людей, словно пытаясь сбросить их в море.

Для того чтобы спасти суда, капитан Руис решил отвести их в бухту Святого Матвея. До Тумбеса оставалось пройти всего лишь 350 км, но непогода помешала отважным морякам продолжить свой путь. Путешественники смирились с тем, что некоторое время им придется бездействовать. Однако не таков был Франсиско Писарро. Он сошел с корабля и пешком устремился вдоль Южно-Американского побережья в направлении к Тумбесу. И только спустя сутки вслед за ним двинулись и суда.

За тринадцать дней путешествия солдаты и моряки были страшно измождены. Но Писарро, казалось, ничто уже не могло остановить на пути к цели завоевания страны инков. Он приказал солдатам сойти на берег, после чего путешественники отправились к небольшому городку. Надежда стать обладателями несметных богатств придала новые силы каждому шагнувшему по направлению к Тумбесу.

Наконец солдаты подошли к стенам городка. Им ничего не стоило ворваться и захватить его. Тогда солдаты, возглавляемые Писарро, смогли награть золота и серебра общей стоимостью 20 000 песо. По большей части это были женские и мужские украшения. Однако среди них находились и уникальные изумруды, истинная стоимость которых была известна далеко не многим участникам экспедиции.

Несмотря на столь богатую добычу, Писарро решил продолжить экспедицию. Он возвратился на корабли, на которых оставил то, что уже удалось награть.

Таким образом он хотел привлечь внимание оставшихся на судах солдат и увлечь их за собой. Действительно, многие из тех, кто приплыл к берегам Южной Америки, с радостью согласились участвовать в следующей кампании, предпринятой Франсиско Писарро.

Вскоре экспедиция двинулась в глубь материка. Однако на этот раз удача, казалось, отвернулась от завоевателей. Всюду, где бы они ни появлялись, их ждала гнетущая тишина и запустение.

Местные жители, узнав о зверствах пришельцев, поспешили покинуть свои жилища и уйти как можно дальше от прибрежных районов. Конкистадоры не смогли найти там даже крупинки золота или маленького обломка рубина.

Тем не менее отчаявшиеся путешественники двигались все дальше, надеясь отыскать главный город инков и вынести оттуда все богатства. Однако путь конкистадоров не был усыпан розами. Палящее солнце и холодные ливни – вот чем встретила древняя земля пришельцев. Сраженные неудачей и лишениями, один за другим падали солдаты Писарро. Однако большинство из них, вероятно самые выносливые, смогли все же дойти до залива Пуаякиль. Необходимо заметить, что со дня их отплытия прошло ровно 15 месяцев.

Тогда Франсиско Писарро решил поселиться вместе со своим ставшим к тому времени немногочисленным отрядом на острове Пуна. В те годы жители Пуны и Тумбеса враждовали. Именно этим обстоятельством и воспользовался Писарро для достижения своих корыстных целей.

На самом деле, остров Пану представлял собой отличное место для укрытия солдат. Он был почти сплошь покрыт густым лесом, который в случае необходимости можно было использовать в качестве надежной защиты от неприятеля.

Именно в таком месте и был разбит по приказанию Писарро первый лагерь путешественников. Спустя некоторое время туда прибыл корабль, на борту которого находились солдаты. Кроме того, на одном из судов на остров Пуна прибыл сам королевский казначей, а также несколько чиновников, служивших при дворе короля Испании Карлоса. На втором корабле прибыли 30 солдат, посланных испанским монархом для подкрепления войска Писарро. Прибывшим отрядом командовал капитан Беналькасар.

На следующий день после прибытия корабля с подкреплением на остров, где расположился Писарро со своим отрядом, приплыли индейцы. Коварный авантюрист хорошо знал о том, что местные жители считали индейцев своими злейшими врагами. Тем не менее Писарро велел гостям зайти к нему в палатку.

По пути индейцы о чем-то тихо переговаривались между собой. Переводчик догнал шедшего впереди Писарро и рассказал о том, что индейцам известно о том, что жители Пуны готовят нападение на лагерь эмигрантов. Однако хозяин острова и виду не подал, что ему стало известно о планах пунийцев.

Едва только индейцы приблизились к лагерю, Писарро велел своим солдатам схватить их и выдать на растерзание жителям Пуны. Таким образом он надеялся умиловить вождя народа, жившего на Пуне. Однако, как показали дальнейшие события, вооруженного столкновения предотвратить не удалось.

Спустя некоторое время после того, как Писарро выдал пунийцам индейцев, жители острова взбунтовались против присутствия на их земле иностранцев. Десятки воинов с громким криком двинулись в сторону лагеря. Испуганные путешественники предпочли спешно скрыться в лесу. Тем не менее несколько солдат Писарро оказались убитыми и ранеными. Среди раненых был также и брат организатора похода, Эрнандо.

Путешественники вынуждены были отступать все дальше и дальше в лес. Наконец они пришли к берегу, где стояли корабли. Только там Писарро и его поредевшее войско смогли найти убежище, поджидая подкрепление.

Спустя некоторое время на горизонте показались два корабля, на борту которых находились 100 волонтеров и лошади. Суда вел опытный морской капитан Эрнандо де Сото. Тогда Франсиско Писарро вновь поверил в свои силы, поверил в то, что он сможет пробиться в глубь материка и захватить непокорное племя инков.

Почувствовав численное превосходство противника, жители Тумбеса поспешили покинуть захваченный ими к тому времени остров Пуна, уступая тем самым дорогу Писарро и его воинам. После этого отряд, возглавляемый отважным путешественником, двинулся вперед, к Тумбесу. Туда же устремились и корабли, стоявшие у берегов материка, в заливе.

И вот настал тот долгожданный для Писарро день, когда он вместе со своим войском вошел в Тумбес. В то время этот город часто называли городом, где жили и властвовали Девы, дочери Короля-Солнца. Легенды часто рассказывали о том, что в садах Тумбеса цвели сказочные растения, зрели золотые и серебряные плоды, а стены храмов будто бы были сделаны из чистого золота.

Однако испанских путешественников ждало разочарование. Оказалось, что никаких серебряных плодов и золотых фруктов никогда не было в Тумбесе. Более того, солдат встре-

тили руины города. Дело в том, что четырьмя годами ранее все население Тумбеса вымерло от считавшейся в то время самой страшной болезни, оспы.

Полагают, что именно от оспы умер и вождь инков, верховный Уайна Капаки. Современные историки считают, что произошло это еще в 1530 году.

Таким образом, надеявшиеся обнаружить цветущий город испанские солдаты смогли найти на его месте лишь разрушенные стены строений. Более или менее сохранились крепость, храм и десяток домов города, который когда-то считали самым красивым и богатым. При виде подобного зрелища людьми, шедшими несколько дней по болотам, лесам, пробравшимися сквозь густые заросли ризофоры, овладело глубокое отчаяние.

Однако предприимчивый Франсиско Писарро совсем недолго предавался унынию. Да, действительно, он не смог разбогатеть. Но судьба дала ему шанс завоевать территорию древнего государства и стать повелителем земли, на которой когда-то жили инки. Единственным препятствием на пути к достижению такой цели стали жители острова Пуны, пытавшиеся завладеть разрушенным городом.

Как удалось выяснить Писарро, остатки опустевшего города были окончательно разрушены пуанийцами. Король-Солнце (Инка Уаскар) же постоянно думал о том, как бы одержать победу над своим братом Атауальпой, а потому ему была абсолютно безразлична судьба Тумбеса.

К тому времени, когда Писарро оказался на материке, вражда между двумя верховными владыками завершилась окончательной победой Атауальпы. А Уаскар оказался в плену у собственного родного брата. Однако жители ряда районов не были довольны правлением Атауальпы. А потому с течением времени в большом племени инков произошел раскол, чем не замедлил воспользоваться Писарро.

Талантливый стратег, Писарро приказал нескольким десяткам солдат оставаться в Тумбесе, а сам с небольшим отрядом отправился в глубь материка, надеясь расположить к себе местных жителей. Писарро категорически запретил своим воинам грабить туземцев.

Кроме того, в составе отряда находились и монахи, которые, проповедуя идеи христианства, с радостью обращали местных жителей в свою веру. Таким образом, покорение народов Южной Америки приобрело вид божественного предназначения, основой которой являлась идея служения Богу. Такими чувствами руководствовался не только сам Писарро, но и его воины. Желание наживы в них, конечно же, не угасло. Религиозная подоплека происходившего лишь завуалировала низменные инстинкты людей, пришедших завоевывать чужие земли и народы.

Нужно сказать, что предприятие, организатором которого стал Франсиско Писарро, имело успех. Жители большинства поселений, в которых побывали испанские воины, почти сразу же согласились принять христианство и признать своим верховным вождем Писарро. Однако на пути конкистадоров встречались и такие вожди племен, которые никак не хотели мириться с испанским вторжением. Таких, по обыкновению, Писарро не жалел. Их тут же на глазах сотен одноплеменников живьем сжигали на костре.

Таким образом, спустя несколько месяцев большинство племен было покорено испанскими солдатами. Тогда, для того чтобы укрепить войско, Писарро решил набрать волонтеров из числа местных жителей. В результате отряд конкистадора увеличился почти втрое.

В начале лета 1531 года Франсиско Писарро основал на берегу реки Чира небольшой городок. Он находился на расстоянии 80 миль к югу от печально известного Тумбеса. Поселение, заложенное Писарро, ничем не отличалось от испанских городов. Главное место в нем отводилось церкви, арсеналу и зданию суда.

Первоначально в новом городе, который был назван Сан-Мегелем, существовало городское правление. Однако с течением времени Писарро не смог не воспользоваться теми полномочиями, которыми наделил его испанский король Карлос.

Воспользовавшись властью, данной ему королем Испании, Писарро приказал выдать каждому испанцу по земельному наделу. Местные жители, привыкшие находиться под чьим-либо началом, не противились тому, чтобы их нанимали на работу на земельных наделах.

Спустя некоторое время прибывшие в Южную Америку испанцы отобрали у индейцев все золото и серебро, после чего переплавили их в тяжелые слитки. Однако Писарро распорядился отобрать у солдат эти слитки. Он нагрузил ими корабли и отправил их в Панаму, отдав золото и серебро на погашение долгов за экспедицию.

Несомненно, найденное золото вселило в поселенцев оптимизм и желание дальше покорять южноамериканские земли. Однако Писарро не мог повести воинов в новый поход, размышляя над тем, стоит ли ему ждать прибытия из Панамы подкрепления или отправляться в путь со своим войском. Но судьба сама распорядилась дальнейшими событиями.

Долгое время после захвата части земель Южной Америки солдаты находились в ожидании начала следующей военной кампании. Однако Писарро, казалось, вовсе не желал двигаться дальше. С течением времени недовольство испанских конкистадоров росло все больше. А потому осторожный Писарро решил все же продолжить путь в глубь континента для того, чтобы найти и покорить гордого Атауальпу.

Кроме того, на решение Писарро предпринять новый военный поход повлияло, видимо, и то обстоятельство, что Атауальпа в то время по неизвестным причинам спешно покинул столицу государства инков, Куско, и остановился в Кахамарке. Необходимо заметить, что Куско располагалась на расстоянии 1300 миль от Сан-Мегеля.

Для того чтобы попасть из города испанцев в столицу инков требовалось по меньшей мере несколько недель и максимум запасов провизии и воды. Кахамарка же находилась от Сан-Мегеля в 350 милях. Такое расстояние отряд Писарро смог бы преодолеть менее чем за 12 дней.

Таким образом, решение выступить было принято. Войско, возглавляемое Франсиско Писарро, вышло из города 24 сентября 1532 года. Испанский отряд был представлен 177 солдатами. Среди них было 110 пехотинцев (20 вооруженных арбалетами) и 67 всадников.

Численность отряда Писарро не шла ни в какое сравнение с армией инков. К тому времени, когда испанские солдаты вышли из стен города, Атауальпа лечился на вулканических источниках, находившихся в Кахамарке. Одновременно он объезжал близлежащие земли, надеясь подчинить себе местные племена. При этом верховного вождя всюду сопровождала армия, численность которой составляла не менее 40 000–50 000 человек.

Франсиско Писарро знал о том, что Атауальпа имеет многочисленное войско. Тем не менее он повел своих солдат к тому месту, где в то время находился вождь инков. Испанские солдаты перешли реку Чиру, после чего остановились на ночлег в одном из встретившихся им на берегу индейских поселений, которое имело загадочное название Поэчос. На следующий день рано поутру они двинулись в направлении на юг, в сторону реки Пьюра. Затем испанцы повернули на восток и пошли вдоль берегов Пьюры.

Необходимо сказать, что поход выдался не из легких. Многие солдаты на середине пути начали роптать и жаловаться на лишения, которые им пришлось терпеть из-за сумасбродного характера их полководца. Наконец, на исходе четвертого дня похода Писарро остановил отряд для того, чтобы за ночь подготовиться к нападению на армию Атауальпы.

Вечером того же дня Франсиско Писарро обратился к своим солдатам с речью. Он говорил о том, что каждый, кто потерял присутствие духа, может, не боясь наказания, возвратиться в Сан-Мегель. Но те, кто останется, должны будут биться с противником, не щадя сил и жизни. В награду за победу Писарро обещал воинам наделить их земельными участками, а также дать «в вечное пользование» несколько десятков плененных индейцев.

После пламенной речи Писарро только лишь девять из его солдат пожелали вернуться в Сан-Мегель. Остальные же поклялись своему командиру в верности и стали готовиться к

нападению на армию инков. Спустя некоторое время они уже были на дороге, которая вела из Тумбеса.

В октябре 1532 года Франсиско Писарро получил сообщение о том, что Атауальпа вместе со своей армией идет по дороге, пролегавшей между Кито и Куско через долины Анд. Тогда полководец принял решение атаковать войско вождя инков. Узнав о численности армии Атауальпы, многие солдаты Писарро дрогнули. Однако командир поддержал своих воинов пламенной речью, сказав о том, что щедрая награда ждет каждого в случае победы. А сохранившиеся с той поры памятники письменности зафиксировали такие слова Писарро: «Нет различия между большим и малым, между пешим и конным... В тот день все должны быть рыцарями!»

Действительно, многим тогда было невдомек, каким образом небольшой отряд Писарро сможет победить многотысячную армию Атауальпы. Единственная надежда полководца на победу была связана с внезапным нападением на индейцев.

В то время, пока в лагере испанцев шли приготовления к сражению, после торжественного парада армия инков отправилась в путь по направлению к Куско, где должна была состояться коронация Атауальпы. Это было великолепное зрелище. Тысячи воинов, головы которых были украшены красивыми, сверкавшими на солнце золотыми и серебряными диадемами, шли по дороге. Для того чтобы поддержать воинственный дух, все они пели обрядовые песни. Армия Писарро медленно шествовала вслед за ними.

Только поздно вечером того же дня армия Атауальпы пришла на главную площадь Кахамарки. Воины поставили в самом центре площади носилки, в которых сидел верховный вождь. По традиции его голову украшала тяжелая корона, сделанная из золота и серебра и покрытая многочисленными драгоценными камнями. Остальные воины все заполняли главную площадь города.

В это время Писарро и отдал приказ о нападении. Артиллерист поджег факел и поднес его к фитилю пушки. После выстрела пехотные и конные воины Писарро устремились к площади Кахамарки. Нападение было столь неожиданным для индейцев, что они долго не могли поверить в происходящее.

Таким образом преимущество оказалось на стороне испанцев. Очень скоро площадь была буквально запружена лежавшими тут и там трупами воинов Атауальпы. Индейцы запаниковали и спустя некоторое время бросились врассыпную, пытаясь найти убежище в лесах, окружавших поселение.

Сам Писарро принял самое активное участие в том сражении. Он сразу же после нападения устремился к стоявшим посреди городской площади носилкам, на которых сидел Атауальпа. Писарро попытался было стащить вождя вниз, на землю.

Однако схватить вождя оказалось не так-то просто. Даже несмотря на то, что у индейцев были отрублены руки, они продолжали держать своего владыку, подпирая носилки плечами. Однако уже через минуту подоспевшие испанцы повалили их на землю. В результате носилки упали, нападавшие смогли пленить гордого Атауальпу.

Но сражение не завершилось пленением верховного вождя инков. В долине долго еще после этого раздавались победные возгласы испанцев и стоны раненых инков. Спустя всего лишь два часа в окрестностях Кахамарки лежали бездыханными примерно 6000 индейцев. Позднее историки подсчитали, что каждому конкистадору удалось убить по меньшей мере 15 человек.

В отчете, адресованном королю Испании Карлосу, Писарро подробно рассказывал о том, как его небольшому отряду удалось одержать победу над армией Атауальпы, которая насчитывала несколько десятков тысяч человек. Писарро писал: «Люди совершили невероятное: захватили малыми силами могущественного владыку...»

Необходимо признать у Писарро талант настоящего полководца, который, благодаря своему красноречию, мог вселять в своих солдат решительность и стремление к победе. Мало кто из испанцев понимал тогда, что происходит. Каждый думал о том, чтобы выжить в той кровавой резне. Позднее один из солдат скажет о том, что победа была одержана не ими, конкистадорами, а волею Всевышнего.

Как бы то ни было, желанная победа над инками была достигнута. Писарро, наконец, получил то, к чему он стремился всю свою жизнь: славу, богатство и власть на огромной территории и над бесчисленным количеством людей. После пленения Атауальпы власть над инками полностью принадлежала Писарро.

Уже на протяжении долгого времени ученые ведут споры о том, почему исчезла с лица земли цивилизация инков. Одной из причин случившегося историки считают непонимание вождями той ситуации, которая сложилась в Южной Америке во второй трети XVI столетия. Дело в том, что пленение Атауальпы можно считать началом большого пути – массового вторжения на континент европейцев и североамериканцев, стремящихся к богатству и власти.

Находясь в заточении, Атауальпа долго думал над тем, как выбраться на свободу. Зная о жажде денег своих надзирателей, он предложил им «продать» ему свободу за все богатства инков. Писарро и его приближенные решили принять от верховного вождя выкуп золотом. Это золото должно было заполнить огромный ящик высотой в 10,5 испанской стопы, что примерно было равно 2,94 м. Кроме того, за свободу Атауальпы было обещано дать вдвое больше серебра. При этом выкуп, по условию, должен был быть перенесен в Кахамарку не менее чем через два месяца. Спустя сутки во все концы земли инков устремились караваны лам, которые возвратились обратно ровно через 60 дней, груженные слитками золота и серебра, а также драгоценными камнями. Но, несмотря на столь обильную добычу, испанцы не захотели отпускать Атауальпу. Он оставался в лагере конкистадоров еще долгих восемь месяцев.

Однако, даже находясь в плену, Атауальпа оставался единственным вождем, которому беспрекословно подчинялись инки. В одном из посланий к ним вождь писал о том, чтобы никто из инков не смел чинить препятствия конкистадорам и, кроме того, они должны были выполнять то, что прикажет им глава испанского войска Писарро.

К середине 1533 года выкуп за верховного вождя инков был полностью собран. Комнаты дома Писарро оказались буквально заваленными уникальными произведениями ювелирного искусства. Однако для алчных испанцев это был лишь драгоценный металл. Поэтому едва украшения появились у Писарро, он тут же велел переплавить их в слитки.

Пятую часть выкупа решено было перевезти в Испанию в дар королю. Остальное же досталось армии Писарро. Пожалуй, нет необходимости говорить о том, что значительная доля всех богатств инков оказалась у Писарро и лишь малая часть была отдана приближенным и солдатам. Несмотря на то что конкистадоры были довольны выкупом, Атауальпа все же был казнен.

Нужно отдать дань справедливости и сказать о том, что казнь верховного вождя инков была встречена неодобрением со стороны испанских властей, находившихся как в Испании, так и в Панаме. Сам король Карлос отправил Писарро послание, в котором пожурил первооткрывателя за самовольный поступок. Он сказал о том, что вождь был монархом, власть которому дал Бог, а потому простой смертный (каким был Писарро) не имел права лишать жизни человека, посланного на землю Всевышним и наделенным Божественной силой.

Как бы то ни выглядело со стороны официальной власти, но Атауальпа был казнен. Однако и после его смерти инки все еще пытались вернуть своему народу свободу. Так, например, конкистадорам пришлось отбиваться от отряда инков, повстречавшегося им на пути во время 800-мильного перехода по Великой дороге, ведущей из Кахамарки в Куско.

Тогда солдатам во главе с Писарро пришлось дать четыре сражения. Инки показали себя отважными и храбрыми воинами. Однако преимущество было все же на стороне иноземцев. Дело в том, что, как уже было сказано выше, помимо пехотинцев, в отряде были и всадники. До той поры индейцы никогда не видели лошадей. А потому для них главной целью было убить преследовавшее их животное, нежели уничтожить врага, сидевшего в седле. Конкистадоры пользовались своим преимуществом, оставляя за собой десятки трупов. Говорили, что на каждого испанского солдата тогда приходилось по несколько сотен инков.

Таким образом, 15 ноября 1533 года отряд Писарро вошел в главный город инков, Куско. Для того чтобы укрепить власть, он решил сделать своим наместником инка Манко, который был сыном одного из вождей Уайна Капаки. В самом начале 1534 года провели коронацию Манко и оставили его властвовать в Куско. Сажая его на трон, Писарро надеялся на то, что тот станет своеобразной марионеткой в его руках, которой будет легко управлять и диктовать свои условия.

Прошло несколько лет. К тому времени Писарро достиг пятидесятилетнего возраста и стал, по существу, единоличным владельцем огромной территории, которую ранее занимали поселения инков. Кроме того, в то время он обладал несметными сокровищами, награбленными у местных жителей. Все украшения были переплавлены в слитки и разделены между участниками походов (в числе которых был, конечно же, и Писарро).

Но одними деньгами власть над людьми купить невозможно. Для этого требуется еще определенный склад характера, ум и хитрость. Такой нрав и имел Писарро. Для того чтобы удержать разбогатевших испанцев на новой земле, он награждал каждого из них 1000 индейцев, которые должны были беспрекословно подчиняться своему господину.

Но дальновидный политик Писарро на том не остановился. Для того чтобы предотвратить бунты со стороны местных жителей, он повелел священнослужителю, находившемуся тогда в Куско, стать защитником прав местных жителей, а также обнародовать указ о том, что каждый из конкистадоров, кто посмеет чем-либо обидеть инка, немедленно понесет суровое наказание. Действительно, в то время казалось, что Писарро предусмотрел все. Однако жизнь намного сложнее, чем ее понимание человеком. Несмотря на принятые меры, гарантировавшие свободу инкам и одновременное обладание испанцами властью, после прихода в Южную Америку испанцев численность индейцев стала резко сокращаться. Кроме того, остановилось и развитие земледельческого хозяйства инков, что также способствовало постепенной гибели народа и той культуры, которую он представлял.

Однако проблемы местного населения мало трогали сердце Писарро. Все его мысли были заняты только одним – жадной наживы. Но нужно признать, что им немало было сделано и для испанских солдат. Так, именно для них по приказанию Писарро были выстроены семь городов (все они сохранились до нашего времени).

Писарро основал также и столицу молодого государства. Главный город решено было возводить у самого берега моря. Таким образом, город стал не только столицей новой страны, но и важным морским портом, который с течением времени преобразовался в главный пункт, связывавший Южную Америку с Центральной, а также с Европой (в первое столетие главным образом с Испанией).

Столица Испанской Америки была основана в 1535 году. А появилась она на берегу реки Римак под названием Сьюдад-де-лос-Рейес, что в переводе на русский язык означает «город королей». Позднее это название было утрачено, но появилось новое, известное и сейчас – Лима (произошло от искаженного наименования реки Римак).

В преклонном возрасте Писарро занимался тем, что основывал новые поселения, устраивал дороги и улицы в уже существовавших городах. Кроме того, он делал довольно щедрые подарки (в виде домов и земельных наделов) испанским конкистадорам.

Не нужно говорить, что основной рабочей силой в новом государстве являлись индейцы. Именно местные жители возводили дома и ремонтировали дороги. Индейцы построили также и дом для самого Писарро. Это был большой особняк, возведенный в испанском стиле и имевший патио (так назывался у испанцев внутренний двор, который, как правило, засаживали апельсиновыми и оливковыми деревьями и цветами).

Казалось, благословенные времена наступили тогда в Южной Америке. Но Писарро недолго пришлось наслаждаться спокойной и тихой жизнью. Спустя некоторое время после появления первых испанских городов братья Писарро чем-то оскорбили короля инков Манко. Взбешенный вождь тут же выехал из своей резиденции и отправился в заброшенное индейское поселение, чтобы там встретиться с другими, подчиненными ему вождями.

Совет вождей состоялся в апреле 1536 года. Тогда инки поклялись пойти походом на испанских завоевателей с тем, чтобы освободить индейский народ от чужеземного ига. Спустя всего месяц у стен Куско показался многочисленный отряд воинов-инков, возглавляемый самим Манко. В то время в Куско стоял небольшой отряд испанских конкистадоров под командованием младших братьев Писарро.

В течение долгих восьми месяцев армии Писарро не удавалось подавить восстание инков. В Куско им было отправлено четыре отряда самых опытных солдат. Однако ни один из них так и не достиг Куско, будучи разгромленными еще в горах, на подступах к городу. Тогда 500 испанских солдат остались навечно лежать в Андах.

Предчувствуя поражение, Писарро решил спешно вызвать из Панамы подкрепление. Вскоре вновь прибывшие испанские конкистадоры уже стояли у стен Куско. А спустя сутки город был освобожден от повстанцев. Отважному вождю инков Манко удалось бежать из захваченного испанцами Куско. Он отправился в джунгли, к тому месту, где находился древний город Мачу-Пикчу. Там и поселились те из местных жителей, которые не хотели жить под испанским игом. Манко правил своей маленькой страной до самой своей смерти в течение 35 лет.

Однако, казалось, фортуна навсегда отвернулась от когда-то удачливого Писарро. Едва только было подавлено восстание инков, как возникли трудности с одним из приближенных, Диего де Альмагро. Он занимался тем, что принимал активное участие в военных походах Писарро, снабжая экспедиции провизией и оружием. Однако, обладая завистливым характером, он был недоволен тем, что король даровал ему только лишь титул губернатора Перу. Спустя некоторое время он предъявил Писарро обвинение в самовольном присвоении всех мыслимых и немыслимых титулов и званий.

Для того чтобы предотвратить скандал, Писарро решил наделить Диего де Альмагро землями, находившимися на юге от Перу. Альмагро тотчас же поехал туда. Каково же было его изумление, когда по прибытии туда он не нашел ничего, с помощью чего он смог бы увеличить свое состояние. В то время он еще не знал, что эти земли богаты месторождениями серебра.

Но вернемся к описываемым событиям. Диего де Альмагро никак не хотел уступать Франсиско Писарро главный город инков, Куско. В результате спор между двумя синьорами разросся до вооруженных столкновений между их верноподданными. Испанец шел тогда с оружием на испанца. Письменные источники свидетельствуют о том, что испанцы дрались друг с другом еще более ожесточеннее, чем в свое время они бились с инками.

Междоусобная бойня длилась в течение двух лет. В 1538 году она окончилась победой отряда, которым командовал младший брат Писарро, Эрнандо. Тогда было убито не менее 120 человек, служивших в войске Диего де Альмагро. Сам же предводитель бунтовщиков после поражения был немедленно казнен как изменник, предавший идеалы испанского народа и испанского короля.

Однако казнь Диего де Альмагро не прошла бесследно для самого победителя, Эрнандо Писарро. Стоило только ему приехать в Испанию, как он оказался заключенным в тюремную камеру за то, что посмел самовольно учинить акт мести.

Эрнан Кортес

В то время, пока Эрнандо сидел в тюрьме, его старший брат, Франсиско, занимался благоустройством своей резиденции, располагавшейся в Лиме. Он сажал цветы в своем дворе, гулял по улицам и часто бывал в гостях у своих боевых друзей.

Одеваться в дорогие наряды владыка Испанской Америки не любил. Каждый день его видели на улицах города, одетого в старинный черный костюм, украшенный красным рыцарским крестом. Обувь его была также проста – он носил башмаки, сшитые из дешевой оленьей кожи. Единственно дорогим нарядом Писарро была длиннополая шуба, которую он получил в подарок от своего брата Эрнана Кортеса.

Помимо обустройства собственного дома и прогулок по улицам города, Писарро любил играть со своими детьми. За всю жизнь он так и не нашел женщину своей мечты. Однако всех сыновей и дочерей он сделал наследниками тех несметных богатств, которые ему удалось заполучить в результате многочисленных военных походов. Единственным условием для получения наследства был запрет на изменение фамилии.

Казнь Диего де Альмагро пришлось не по душе всем живущим в Южной Америке. Те, кто верил ему и шел по его приказу в бой, после его гибели остались в полной нищете. Их недовольство постепенно выросло в заговор против того, кто унес жизнь их благодетеля.

С того времени Писарро стал регулярно получать сведения о том, что он в каждую минуту рискует быть убитым кучкой заговорщиков. Однако владелец огромного состояния как будто бы не верил в то, что он может быть убит. Он по-прежнему гулял по улицам без сопровождения солдат, играл с детьми и выращивал цветочки, словом, наслаждался жизнью.

Трагедия случилась в воскресенье 26 июля 1541 года. В то время Писарро встречал в своем доме гостей. Слуги успели поднести к столу только первое блюдо, когда в зал с криками ворвались 20 человек, вооруженных мушкетами, кинжалами, мечами и даже копьями.

Гости Писарро в страхе разбежались по углам. Сам же хозяин, защищавшийся кинжалом, попытался скрыться от нападавших в спальне. Однако силы были неравны. Вскоре Писарро пал замертво после удара, нанесенного одним из бунтовщиков.

После смерти великого первопроходца место в его резиденции, где он был убит, покрыли серо-белым мрамором. Кроме того, в память о нем вскоре после гибели на площади Армас в Лиме был возведен собор.

В 1977 году на месте собора шли ремонтные работы, во время которых и были обнаружены несколько гробов. В одном из них строители нашли высушенный временем череп и кинжал, рукоятка которого была украшена надписью: «Это голова маркиза дона Франсиско Писарро, который открыл и завоевал Перуанскую империю, отдав ее под власть короля Кастилии».

Первооткрыватель Перу

Диего де Альмагро стал известен благодаря тому, что в середине XVI века в составе экспедиции, предпринятой Франсиско Писарро, отправился к берегам Южной Америки. Долгое время он оставался одним из самых богатых людей, когда-либо живших на территории Перу.

В 1519 году испанцы высадились на западный берег Центральной Америки и вскоре основали город Панаму. Однако на этом их приключения не закончились. Отважные конкистадоры хотели исследовать все земли, лежавшие южнее нового города. Интерес чужеземцев подогревали мысли о возможности заполучить огромные богатства, которыми, судя по легендам, обладали инки.

К тому времени испанцами были уже предприняты несколько экспедиций в глубь Южной Америки. Однако все они неизменно завершались неудачей. Действительно, покорить джунгли оказалось не так-то просто, как это казалось на первый взгляд. Высокие скалистые горы, вязкие болота, густые леса и реки с сильным течением – вот далеко не полный перечень тех препятствий, которыми встретила Южная Америка пришельцев. В результате на некоторое время все экспедиции по исследованию новых земель были прекращены.

Так продолжалось до тех пор, пока в Панаме не появился человек по имени Франсиско Писарро. Именно ему принадлежит заслуга организации очередной экспедиции в Южную Америку, которая увенчалась невероятным успехом. В то время сам Писарро не имел суммы денег, достаточной для столь длительного путешествия. А потому он нуждался в людях богатых и состоятельных, которые согласились бы оплатить расходы на далекое плавание. Одним из таких людей оказался Диего де Альмагро.

Судя по сохранившимся до наших дней документам, Диего де Альмагро родился в небольшой деревушке Альмагро, по мнению историков, не ранее 1470 года. Кто были его родители, осталось неизвестным. Дело в том, что Диего в 1475 году еще младенцем был найден жителями Альмагры прямо на улице. По названию деревушки мальчик и получил свое имя.

С детства Диего воспитывался в испанском военном отряде, который располагался недалеко от испанской деревни Альмагро. Таким образом, дальнейшая судьба мальчика была предопределена еще в юные годы. В составе того же военного отряда он по достижении определенного возраста участвовал в экспедиции в Америку. Необходимо сказать, что главной целью таких военных походов молодого солдата было не достижение славы, а получение и накопление как можно большего количества денег.

В то время, когда Альмагро повстречал Франсиско Писарро, он был уже достаточно опытным солдатом и имел довольно много денег для того, чтобы позволить себе участвовать в экспедиции. В один из дней организаторы встретились и распределили между собой обязанности.

Так, Франсиско Писарро отвечал за общую организацию похода, а также за проведение военных операций на территории неосвоенных земель. Другой организатор похода, священник Эрнандо де Луке, должен был субсидировать оговоренную заранее сумму денег, которые пошли бы на наем корабельной команды и солдат и, кроме того, на покупку провизии и оружия. Диего де Альмагро также вложил в экспедицию все имевшиеся у него в то время сбережения, поскольку предчувствовал, что все потраченное вернется ему сторицей. Еще одним заочным участником исследовательского похода стал наместник Панамы Педро Ариас д'Авила. Организаторы экспедиции пообещали передать ему пятую часть всего того богатства, которое будет ими добыто во время исследования земель Южной Америки. В обмен на это

наместник должен был дать свое разрешение на проведение экспедиции и свободу действий. Несомненно, такое разрешение было получено Писарро и де Альмагро.

Диего де Альмагро

Итак, первый корабль под руководством Франсиско Писарро вышел из порта Панамы 14 ноября 1524 года. Спустя некоторое время в том же направлении пустилось и судно, на борту которого находился отряд испанских солдат, возглавляемый Диего де Альмагро. Целью их путешествия был город Пуэрто-де-ла-Амбре. Однако по прибытии туда Альмагро не нашел там войска Писарро. Тогда решено было двигаться дальше.

Таким образом, отряд под командованием Альмагро оказался в районе устья реки Сан-Хуан. Необходимо сказать, что индейцы довольно неприязненно относились к высадкам на их землю испанцев, а потому каждая их встреча с чужеземцами неизменно заканчивалась большими или малыми сражениями.

Такая же встреча была приготовлена и для отряда конкистадоров, которым руководил Альмагро. В том сражении отважный воин лишился глаза. Но и после ранения он не отчаялся и решил продолжить кампанию.

После этого отряд Альмагро двинулся дальше в глубь материка, сжигая дотла все попадавшиеся на их пути поселения инков. Спустя некоторое время, видимо сполна насладившись местью, Альмагро повернул свое войско обратно. Так он дошел до Чикамы, где и встретил разбитый индейцами отряд Франсиско Писарро.

Встретившись, два военных командира приступили к разработке плана по дальнейшему исследованию земель Южной Америки. Тогда их целью стало завоевание Перу.

Однако к тому времени запасы продовольствия значительно сократились, закончились и золотые монеты, которыми организаторы заманили солдат в южно-американские джунгли.

По указанным выше причинам Писарро и Альмагро решили возвратиться в Панаму. Прибыв в испанскую колонию, они первым делом отправились в дом Педро Ариаса д'Авилы, чтобы попросить у того денег на организацию второй экспедиции. Однако щедрый прежде наместник на этот раз категорически отказался субсидировать столь сомнительное предприятие, как поход в Южную Америку.

Тогда раздосадованные неудачей Писарро и де Альмагро обратились за помощью к Эрнандо де Луке. Священнослужитель смог уговорить состоятельных купцов и чиновников города одолжить некоторую сумму денег на организацию морского плавания к берегам Южно-Американского континента. В те дни организаторы экспедиции заключили необычный для того времени договор, по условиям которого каждый из трех компаньонов в случае удачного похода путешественников получит третью часть того, что удастся добыть в неизведанной стране. Это было рискованное предприятие, поскольку никто из них даже не догадывался о том, что их может ждать в Южной Америке. Итак, новая экспедиция, состоявшая из двух судов, двинулась к берегам «золотого царства».

Необходимо сказать, что набрать отряд волонтеров и корабельную команду во второй раз оказалось не так-то просто. В городе давно уже распространились слухи о неудачно закончившейся первой экспедиции. Для того чтобы заинтересовать солдат, организаторы назначили им жалованье вдвое большее, чем получили участники предыдущей кампании.

Спустя некоторое время испанские корабли благополучно достигли западных берегов Южной Америки, а затем пошли вверх по течению Сан-Хуана. Проплыв некоторое расстояние, солдаты высадились на сушу и сразу же отправились в глубь материка. С каждым днем они уходили все дальше и дальше от моря, уничтожая по пути небольшие местные поселения и становясь владельцами несметных сокровищ индейцев.

Однако с течением времени организаторы экспедиции пришли к выводу о том, что, имея немногочисленный отряд солдат, им не удастся покорить государство инков. А потому необходимо было отправить в Панаму корабль с прошением о подкреплении.

Роль курьера должен был выполнить Диего де Альмагро. Он сразу же по возвращении в испанский лагерь сел на один из стоявших у берега реки кораблей и отправился в столицу испанской колонии. На борту судна находились также несколько больших сундуков, доверху набитых награбленными у индейцев драгоценностями, золотом и серебром, которые должны были быть в дальнейшем использованы для найма необходимого для продолжения кампании количества испанских солдат.

Капитану другого судна, Бартоломе Руису, Франсиско Писарро поручил провести исследование близлежащих районов. Сам же организатор экспедиции остался в испанском лагере. Необходимо сказать, что Руис с успехом справился с возложенными на него обязанностями. Ему удалось провести корабль далеко к югу, где он смог открыть неизведанные ранее богатые земли инков, славившихся своими ремеслами и земледелием.

В то время, пока Бартоломе Руис исследовал южные районы материка, судно под командованием Диего де Альмагро достигло Панамы. Именно там испанцу удалось нанять на службу еще 80 волонтеров, пожелавших принять участие в освоении земель Южно-Американского континента. После этого судно Альмагро двинулось в обратный путь и спустя некоторое время отряд примкнул к войску, стоявшему в лагере Писарро.

Соединившись с отрядом Франсиско Писарро, воины Диего де Альмагро устремились к югу для исследования земель, лежавших на южном побережье материка. Корабли шли вдоль узкой песчаной полоски берега континента, за которой видны были мощные гряды гор. Спустя несколько дней плавания суда пришли к границе «золотого царства» инков.

Однако начать масштабный военный поход Писарро не отважился, поскольку слишком неравными оказались тогда силы противоборствующих сторон. Для того чтобы дожидаться подкрепления, Писарро велел воинам разбить лагерь на острове Гальо. А Диего де Альмагро в очередной раз был отправлен в Панаму для найма солдат.

В то время в Панаме произошла смена власти. На место бывшего наместника д'Авилы из Испании был прислан новый человек. Он категорически запретил Альмагро заниматься вербовкой волонтеров для столь сомнительного и рискованного предприятия, какой была экспедиция в Южную Америку. Более того, новый наместник приказал капитану одного из судов спешно снарядить корабль всем необходимым для дальнего похода, отправиться в Южную Америку и вернуть в Панаму людей, находившихся в подчинении у Франсиско Писарро.

Не нужно говорить о том, что возвращение в Панаму для организаторов экспедиции было равнозначно признанию своего поражения. Кроме того, путешественники отправились на материк в большей степени для того, чтобы стать владельцами огромного богатства, часть из которого должна была пойти на выплату долгов. Как могли путешественники вернуться домой, так и не достигнув своей цели?..

На следующий день после посещения наместника Диего де Альмагро спешно отправил курьера к Франсиско Писарро с посланием, в котором уговаривал организатора экспедиции ни в коем случае не соглашаться на просьбы властей возвратиться в Панаму. Писарро прислушался к советам своего друга и выступил с пламенной речью перед солдатами, уговаривая тех остаться на материке и продолжить его исследование. Однако после того, как на следующее утро к берегу пристал корабль, отправленный из Панамы ее наместником, в лагере Писарро осталось всего лишь 12 человек.

После этого Франсиско Писарро и Диего де Альмагро решили перенести стоянку на необитаемый остров, названный впоследствии Горгоной. Конкистадоры жили на том острове в течение долгих семи месяцев. А в это время Альмагро и Луке вновь отправились в Панаму для того, чтобы нанять добровольцев.

Прошло немало времени, прежде чем на горизонте перед изможденными и изголодавшимися солдатами показался корабль. Как оказалось, панамский наместник и во второй раз отказался дать разрешение на продолжение экспедиции. Дабы поставить во всей этой истории точку, он приказал снарядить небольшое судно и отправить его к берегам Южной Америки. Тот корабль должен был привезти Писарро и оставшихся путешественников в Панаму. А для того чтобы испанец не воспользовался им для своих целей, корабль шел пустым, без военного снаряжения и солдат.

Итак, корабль, который должен был возвратить незадачливых первооткрывателей в Панаму, подошел к берегу необитаемого острова Горгона. Едва только конкистадоры увидели судно, они, словно позабыв о голоде и лишениях, обратились к капитану с просьбой направить корабль вдоль южного берега, туда, где, по их мнению, и находилось загадочное «золотое царство». Капитан прибывшего судна не смог устоять перед просьбами людей, с такой силой жаждавших приключений и славы. Он развернул свое судно и направил его с конкистадорами на борту в сторону современного Эквадора. Судно пристало у небольшого городка Тумбеса в Перу.

Итак, заветное «золотое царство» оказалось рядом с испанцами. Однако Писарро вынужден был повернуть отряд обратно к Тумбесу. Ведь для того, чтобы завоевать государство инков, требовался куда более многочисленный отряд вооруженных солдат, которые с честью смогли бы выйти из сражения. Тогда Писарро отдал капитану приказ направить корабль в Панаму, куда путешественники благополучно прибыли спустя 18 месяцев.

Спустя три года после возвращения в Панаму Франсиско Писарро решил организовать новую экспедицию в Южную Америку. Однако прежде всего необходимо было разыскать

людей, которые смогли бы профинансировать кампанию. На Луке и Альмагро рассчитывать не приходилось, поскольку те вложили все свое состояние в предыдущую экспедицию. Тогда Писарро спешно отправился ко двору испанского короля Карлоса, надеясь на то, что тот даст необходимое количество денег для экспедиции на неизведанный материк.

Король отказался субсидировать сомнительное предприятие. Однако в награду за «тяжкие труды» Писарро был удостоен нескольких званий: наместника, военачальника, главного судьи провинции. Кроме того, он получил титул дворянина и пожизненную пенсию.

Франсиско Писарро возвратился в Панаму только в 1530 году. К тому времени те, кто когда-то был его близкими друзьями и компаньонами, приняли его как врага. Дело в том, что Диего де Альмагро не был удовлетворен тем обстоятельством, что сам он получил в награду за путешествие по Южной Америке только лишь дворянский титул, 500 дукатов и наместничество в Тумбесе. Именно обида Альмагро и стала причиной того, что он категорически отказался принимать какое бы то ни было участие в новой, возглавляемой Писарро экспедиции на Южно-Американский континент. В результате союз Писарро, Альмагро и Луке был расстроен. Восстановить его смог только Луке, ставший после возвращения Писарро в Панаму епископом Новой Кастилии.

Итак, в 1530 году Писарро и Альмагро организовали очередную экспедицию в «золотое царство». Необходимо заметить, Писарро, Альмагро и Луке на этот раз удалось снарядить всего лишь два небольших корабля, на борту которых смогли разместиться всего лишь 180 солдат. Но среди них было 36 всадников, что давало преимущество перед воинами-инками, которые никогда не видели лошадей. В январе 1531 года испанские корабли пристали к берегу Южной Америки. В то время командование действиями солдат осуществлял один Писарро. Луке и Альмагро оставались в Панаме, где им предстояло организовать дополнительную экспедицию.

Спустя некоторое время Франсиско Писарро удалось разгромить многочисленную армию инков. А в феврале 1533 года к побережью Южной Америки пристал еще один корабль, на борту которого находились 150 солдат пехоты и 50 всадников. Но их помощь не понадобилась отряду Писарро, поскольку к тому времени войско верховного вождя инков Атауальпы было полностью разгромлено. Тем не менее по условиям договора Альмагро так же, как Луке и Писарро, должен был получить третью часть награбленного золота и серебра.

К тому времени многие искатели приключений, жившие в Северной Америке, узнали о таившихся в глухих районах Южной Америки сокровищах инков. Тогда множество экспедиций было отправлено в «золотое царство». Одно из таких путешествий организовал губернатор Гватемалы Педро де Альварадо. Он мечтал о том, что первым окажется в Кито и там сможет завладеть огромной территорией и несметными богатствами. Однако мечтам Альварадо не суждено было сбыться. О его предприятии вскоре стало известно Франсиско Писарро. Тот в свою очередь приказал отряду Альмагро отправиться в район Кито и там «достойно встретить» армию Альварадо.

Тем временем гватемальцы упрямо шли вперед, пробираясь сквозь густые джунгли к Кито. Солдаты уже видели перед собой дома небольшого городка инков, как вдруг посланные вперед курьеры доложили командиру о том, что у стен поселения стоит отряд испанских конкистадоров.

Нужно сказать, что ни гватемальцы, ни испанцы ни на каких условиях не хотели уступать друг другу Кито. Командиры решили было уже отдать приказы о начале сражения. И быть бы тогда великой битве! Но в это время в лагерь Альмагро прибыл гонец от Писарро, который рассказал о том, что в Кито нет никаких сокровищ.

Тогда Альмагро обратился к Альварадо с предложением заключить обоюдовыгодный договор. Диего де Альмагро выкупил Кито за 100 000 песо. В придачу испанский конкиста-

дор получил также флот и военное снаряжение гватемальцев. Затем хитрый Альмагро привел свой отряд в Кито, после чего отправил к Писарро гонца с известием о том, что победа одержана, а Кито принадлежит испанцам. В то время, пока Диего де Альмагро вел переговоры с губернатором Гватемалы, Эрнандо Писарро отправился ко двору испанского короля. Последнему были преподнесены богатые дары, в результате чего Франсиско Писарро оказался удостоенным титула маркиза. Сам Эрнандо Писарро был награжден рыцарским званием.

А Диего де Альмагро вновь оказался обделенным. Дело в том, что ему досталась только лишь должность аделантадо, что в переводе означает «губернатор». Так Диего де Альмагро стал владельцем небольшой области, которая простиралась на 200 миль. Нужно сказать, что та территория не была ограничена, а потому ее хозяин мог бы при необходимости в любой момент расширить свои владения.

После того как Альмагро получил должность губернатора, он захотел увеличить территорию своих владений. Так, например, он пожелал иметь в своей вотчине Куско. Однако на тот город инков уже претендовали тогда братья Писарро, Хуан и Гонсало. Соперники никак не могли разрешить конфликт мирным путем.

Быть тогда у стен Куско большому сражению, если бы не приезд Франсиско Писарро. Он-то и помог враждовавшим сторонам заключить временное перемирие. Нужно сказать, что Диего де Альмагро уже на протяжении нескольких лет вынашивал план мести Писарро. Его недовольство вызывал любой успех бывшего друга: его блистательная карьера, внезапное обогащение, умение располагать к себе окружающих.

Всего этого явно не доставало Альмагро. Однако, почувствовав, что силы противника значительно превосходят его, Альмагро решил на время затаиться в своей вотчине и подготовиться к нападению.

Позднее Сарате напишет о том договоре следующее: «Товарищество было восстановлено на том условии, что дон Диего де Альмагро отправится открывать новые страны на юге, и если найдет что-нибудь хорошее, то для него будет испрошено наместничество у Его Величества короля; если же Альмагро ничего не найдет, тогда дон Франсиско разделит с ним свои владения. Договор был заключен в торжественной обстановке, и оба поклялись на святых дарах, что в дальнейшем ни тот, ни другой ничего не будут предпринимать друг против друга».

Судя по сохранившимся до наших дней письменным источникам, Диего де Альмагро действительно поклялся не посягать более ни на Куско, ни на земли, лежащие на расстоянии 130 лье к северу от него. Преклонив колени перед образами святых, он сказал: «Господи, если я преступлю данную мною клятву, то порази и накажи тело и душу мою».

Итак, после заключения договора с Франсиско Писарро Альмагро начал подготовку к походу в южные земли Южно-Американского континента. Прежде всего необходимо было заняться наймом солдат и поиском денег. Диего де Альмагро давно уже пользовался репутацией бесстрашного и щедрого командира. А потому ему без особого труда удалось набрать довольно большой отряд численностью 560 человек, среди которых были не только пешие воины, но и всадники.

Рано утром 3 июля 1535 года армия из 700 испанских конкистадоров и 15 000 индейцев вышла из Куско и направилась в сторону Чили. После того как было пройдено 1000 км пути, Альмагро отдал приказ разбить лагерь и остановиться на отдых. В течение двух месяцев отдыхали солдаты Альмагро, в первое время довольствуясь золотом, награбленным у южных племен, перевозивших драгоценности с юга в северные районы, где жили инки.

Затем отряд под командованием Альмагро двинулся дальше на юг. Дав несколько сражений, испанцы смогли пересечь долину Чикоана. В одном из находившихся там поселений

Альмагро купил для своих солдат лам и провизию. Однако животными солдаты пользовались недолго. Во время перехода через горный водопад большая часть лам погибла.

Поход на юг материка оказался не таким легким, каким он представлялся на первый взгляд. Наиболее трудным отрезком пути стали Анды. Большое количество солдат остались навечно в холодных горных скалах. Но не только природа брала верх над испанцами, искавшими приключений и золота. Многочисленные военные стычки с местными жителями также не прибавляли сил и выносливости конкистадорам.

Несмотря на трудности пути и всевозможные лишения, отряд Альмагро достиг 30° южной широты. Однако на всей территории испанцам не удалось обнаружить даже самой крохотной крупинки золота или тонкой полоски серебра. В поисках сокровищ индейцев Альмагро приказал своему отряду двигаться дальше на юг. Но и там испанские солдаты не нашли того, что искали на протяжении уже нескольких месяцев. Тогда Альмагро отдал приказ о возвращении. Это случилось в сентябре 1536 года.

Отряд, возглавляемый Диего де Альмагро, возвратился в Перу в то время, когда страна была охвачена пламенем масштабного восстания, организатором которого стал Манко Капак. В течение шести месяцев местные жители держали в блокаде главный город инков, Куско, и находившихся там братьев Писарро, Эрнандо и Гонсало. К тому времени их брат Хуан был мертв. Его убили инки при попытке выбраться из осажденного города и направиться за подкреплением к Франсиско Писарро.

Отряд во главе с Манко Капаком вот-вот должен был уже взять город, как вдруг в один из дней у главных ворот города показались солдаты Альмагро. За считанные часы им удалось разгромить наголову войско Капака. И это несмотря на то, что испанцы еще несколько дней назад чуть было не погибли от жажды и голода в знойных песках гористой пустыни!

Тогда Диего де Альмагро объявил себя хозяином города. Братьям Писарро оставалось только подчиниться победителю. Спустя некоторое время, 8 апреля 1537 года, Альмагро распорядился арестовать Эрнандо и Гонсало Писарро. А себя назвал губернатором столицы Перу.

А в это время Франсиско Писарро, находившийся в Лиме, пытался отбить город у осаждавших его индейцев. Поскольку отряд его был немногочисленным, Писарро решил отправить своих курьеров в Панаму, а также в недавно появившуюся крепость Трухильо, войском которой командовал Алонсо де Альварадо. Прибывший к нему гонец передал приказ Писарро о том, чтобы тот срочно вышел с отрядом к осажденному индейцами Куско, в котором находятся Эрнандо и Гонсало.

Каково же было удивление Альварадо, когда, подъехав к городу, он не увидел там отрядов индейцев. Как оказалось, осада давно уже была снята, а город полностью находился во власти испанцев. Едва только Альварадо отдал приказ о возвращении в Лиму, как он и его войско были взяты в плен солдатами, находившимися под командованием самовольно взявшего город Диего де Альмагро. Тогда-то и решил Альмагро осуществить поход на Лиму, чтобы отнять власть у Франсиско Писарро. Действительно, теперь он был уверен в победе, поскольку его войско удвоилось за счет перешедших к нему на службу солдат Альварадо. Однако в какое-то мгновение он, видимо, испугался своих мыслей и надежд на то, чтобы стать губернатором большой провинции. Как бы то ни было, но Альмагро решил отложить поход на Лиму и отдал приказ отпустить солдат на отдых.

Кто-то из мудрых сказал: «Если Юпитер захочет погубить, он отнимет разум». Бравый полководец Диего де Альмагро, который в любом сражении мог одержать победу, на этот раз показал свое малодушие и недалекость, упустив единственный шанс занять губернаторское место Писарро.

В то время, пока Альмагро размышлял над тем, пускаться в поход на Лиму или нет, Франсиско Писарро находился в осажденной со всех сторон Лиме и надеялся только на

помощь, которая должна была прийти со дня на день из Панамы. Однако корабли все не приходили. Вот тут-то Альмагро и нужно было ставить свои условия. Но он трусливо затаился в Куско. Тем временем плененным братьям Писарро, Эрнандо и Гонсало, подкупив стражу, удалось бежать из тюрьмы. Альмагро потерял заложников и навсегда утратил возможность заполнить должность губернатора и наместника.

Тогда он решил выторговать у Писарро хотя бы небольшой земельный надел. В это время и прибыл в Куско приверженец Писарро, Эспиноса. Он смог уговорить Альмагро не затевать войну против Писарро. По его словам, для обоих будет лучше, если они смогут обо всем договориться мирным путем. Несмотря на красноречие Эспиносы, Альмагро никак не желал принимать условия Писарро и требовал от того разделения наместнической власти.

Тогда соперники обратились с просьбой разрешить спор к монаху Бодивилье. Тот, недолго думая, сказал о том, что Диего де Альмагро должен передать Куско в распоряжение Писарро и к тому же немедленно освободить братьев королевского наместника. После этого к испанскому королю были отправлены два солдата-курьера, которые должны были передать монарху прошение претендентов на власть, в котором содержалась просьба рассмотреть их дело и разрешить конфликт.

Затем Диего де Альмагро отдал приказание об освобождении Эрнандо и Гонсало Писарро. Но едва только последний из братьев оказался на свободе, как Франсиско Писарро вместе со своими солдатами отправился в сторону Куско, надеясь с помощью сражения отстоять вверенную ему власть. «Только оружие рассудит нас», – повторял он по пути в Куско.

В кампании, возглавляемой Франсиско Писарро, приняли участие около 500 солдат. Для того чтобы попасть в Куско, необходимо было перейти Анды. Но, нужно признать, Писарро был полководцем, думавшим о своих воинах. И потому, чтобы облегчить переход через горы, он решил воспользоваться самой короткой дорогой, ведущей по берегу моря.

Диего де Альмагро знал о готовившемся нападении отряда Писарро. Однако уже в самом начале кампании он проиграл ее. Прежде всего, ошибкой Альмагро являлось то, что он не выставил защиту для подходов к городу со стороны гор. Однако, казалось, сам Бог был против конкистадора. Его отряд, состоявший из 500 человек, включал и воинов-кавалеристов, которые не смогли бы вести оборону в узких горных ущельях. Решившая давний спор битва состоялась 26 апреля 1538 года. Необходимо отметить, что солдаты обеих армий сражались бесстрашно и самоотверженно. Однако удача улыбнулась воинам, которых вел Франсиско Писарро. Последнему помогло также и прибывшее из Испании подкрепление.

То сражение вошло в историю Перу под названием «битва при Лас-Салинасе». Ее финалом стала гибель около 140 испанцев. Сразу же после сражения приближенные Альмагро, среди которых оказался и Оргонас, были казнены. А самого Диего де Альмагро пленили и заточили в тюремную камеру.

В эпоху освоения земель Южной Америки сражения за земельные наделы и власть не были делом экстраординарным. Более того, победа не считалась окончательной, если побежденный город или поселение не были разграблены солдатами-победителями. Так случилось и на этот раз. Вошедшие в Куско испанцы полностью очистили город от драгоценных украшений. После раздела награбленного Франсиско Писарро решил вынести наказание Альмагро, который рискнул своей жизнью и восстал против королевского наместника в Перу. Суд приговорил Альмагро к смертной казни. Услышав приговор, конкистадор обратился к судьям с просьбой помиловать его, учитывая преклонный возраст и болезнь. Однако вершители закона остались беспристрастными.

Последним днем жизни Диего де Альмагро считается 8 июля 1538 года. В тот вечер в камеру узника вошли двое. Они накинули петлю на шею Альмагро и задушили его. На следующий день бездыханный труп был обезглавлен на главной площади.

Роковая прогулка

Шел 1610 год. В один из прекрасных майских дней, накануне отъезда на войну, французский король Генрих IV отправился в открытом экипаже на прогулку по Парижу. Этот ставший легендой человек, в котором прекрасно уживались черты развеселого гуляки, дамского угодника и мудрого, дальновидного государственного деятеля, принял решение осуществить главное дело всей своей жизни – уничтожить гегемонию испанских и австрийских Габсбургов, которые с трех сторон взяли Францию в клещи.

Во время прогулки королевский экипаж оказался на узкой улочке. Внезапно дорогу ему преградили какие-то телеги, груженные сеном и овощами. Карета встала. После этого к экипажу подбежал высокий, здоровый, рыжий мужчина и нанес Генриху три ножевых ранения, которые оказались смертельными.

После смерти короля его жена Мария Медичи была провозглашена регентшей при своем малолетнем сыне Людовике XIII. По ее приказу убийцу короля вскоре предали суду. Он не отрицал своей вины, говорил, что никто его не подстрекал на убийство, а все совершенное им было выполнено по его личному желанию. Личность убийцы установили без труда. Им оказался Жан Франсуа Равальяк, стряпчий из Ангулема, ярый католик. Он предпринял попытку вступить в иезуитский орден и не скрывал недовольства той терпимостью, которую Генрих IV проявлял к гугенотам. Равальяк пытался несколько раз попасть на прием к королю, чтобы предостеречь его от коварства гугенотов, но безуспешно. И тогда он решил совершить убийство. Даже под пытками Равальяк продолжал твердить, что у него не было соучастников.

Судьи парижского парламента никак не могли найти правильное решение. И тогда их мысли потекли в привычном для тогдашнего времени русле: не подстрекал ли Равальяка сам Сатана? Эта бредовая идея нашла свое воплощение после того, как свидетель Дюбуа, сидевший какое-то время вместе с Равальяком в одной камере, рассказал, что «дьявол появлялся в камере в виде огромного и страшного пса».

Генрих IV

Одновременно с этим исповедник убитого короля, иезуит отец Коттон, уговаривал Равальяка: «Сын мой! Не обвиняй добрых людей!» Даже на эшафоте Равальяк, которому угрожали отказать в отпущении грехов в случае, если он не назовет своих сообщников, не дрогнул, а снова и снова повторял, что он действовал один и сообщников у него не было.

Убийца был искренне убежден, что от этих слов, сказанных им за минуту до начала варварской казни, зависит спасение его души. Но были ли его признания правдивыми?

В те годы у судей явно не было особого желания искать истину, а правительство Марии Медичи еще меньше хотело проведения всестороннего расследования. Но уже тогда многие задавали себе вопрос: а не приложили ли руку к убийству короля те, кому он мешал?

Прошло несколько лет, и выяснилось, что некая Жаклин Д'Эскоман, служившая у маркизы де Верней, фаворитки Генриха IV, пыталась предупредить короля о готовившемся на него покушении. По мнению Жаклин, в покушении, помимо де Верней, участвовал могущественный герцог Д'Эпернон, давно мечтавший о роли первого лица в государстве.

Жаклин Д'Эскоман пыталась передать предупреждение королю через его супругу, но та уехала в Фонтенбло и не успела поговорить с мужем. Отец Коттон, к которому хотела

обратиться Жаклин, также отбыл в Фонтенбло, а другой священнослужитель-иезуит посоветовал Д'Эскоман не вмешиваться в дела, которые ее не касаются.

Вскоре после вышеописанных событий Жаклин Д'Эскоман была арестована по обвинению в том, что у нее якобы не было средств на содержание ребенка в приюте и она пыталась его подбросить. По французским законам за такое преступление ей грозила смертная казнь. Но судьи проявили «гуманность», и бедную женщину сначала посадили ненадолго в тюрьму, а потом заточили в монастырь. Не была ли такая «гуманность» платой за то, что на суде Жаклин ни слова не сказала о заговоре против короля?

И еще один вопрос. Почему Мария Медичи не рассказала королю о встрече с Жаклин Д'Эскоман и о ее предупреждении? Вероятно потому, что у этой упрямой, властолюбивой и вздорной женщины, а особенно у ее фаворитов – супругов Кончини – были свои причины желать смерти королю. В последнее время Генрих серьезно увлекся молоденькой красавицей Шарлоттой Монморанси, которая стала женой принца Конде. Этот роман вызывал опасения Марии Медичи. Зная характер своего мужа, она вполне допускала, что он мог либо пойти на развод с ней, либо приблизить Шарлотту настолько, что та приобретет большое влияние при дворе. Ни тот, ни другой вариант Медичи не устраивал. А вот смерть Генриха давала ей возможность стать правительницей Франции до совершеннолетия ее сына Людовика XIII, которому в ту пору было всего 9 лет. Фактически власть досталась бы супругам Кончини, которые имели на Марию огромное влияние. Так и случилось впоследствии, хотя герцог Д'Эпернон в первые дни после гибели короля попытался прибрать к рукам власть во Франции.

В январе 1611 года Жаклин Д'Эскоман покинула стены монастыря и снова попыталась разоблачить заговорщиков. Но ее попытка не увенчалась успехом. Несчастную опять арестовали и предали суду. Но процесс над Жаклин принял нежелательный для властей оборот. Слуга Шарлотты дю Тилли (близкой подруги маркизы де Верней и фрейлины королевы) рассказал, что много раз видел Равальяка у своей госпожи. Его рассказ подтверждал свидетельство Жаклин Д'Эскоман, которая также некоторое время служила дю Тилли.

Следствие по делу было срочно прервано, «учитывая достоинство обвиняемых». Президента суда сменил ставленник французского двора. Несмотря на то что правительство требовало смертного приговора для Жаклин за «лжесвидетельство», голоса судей разделились точно поровну. Несчастную приговорили к пожизненному тюремному заключению...

Жаклин Д'Эскоман оставалась в тюрьме и после того, как режим Марии Медичи пал. Это говорит о том, что зная, замешанная в заговоре против Генриха IV, очень боялась разоблачений «лжесвидетельницы». Жаклин утверждала, что заговорщики поддерживали связь с мадридским двором. Об этом же писал в своих воспоминаниях Пьер де Жарден, называвший себя «капитан Лагард». Свои мемуары он написал в Бастилии, куда его заключили в 1616 году. На свободу он был выпущен только после падения режима Марии Медичи. О связях заговорщиков Лагард узнал, находясь на юге Италии, откуда весьма энергичный испанский вице-король граф Фуэнтос руководил тайной войной против Франции. Лагард поспешил в Париж, предупредил Генриха о готовящемся покушении, но тот не принял никаких мер предосторожности. В записках Лагарда имеются и не очень правдоподобные детали, вроде тех, что он будто бы видел Равальяка в Неаполе, куда тот привез письма от герцога Д'Эпернона.

Показания Жаклин Д'Эскоман получили огласку в то время, когда Мария Медичи боролась с восстанием крупных вельмож и хотела, чтобы народный гнев обратился против них. К слову, эти показания ничем не компрометировали Марию. А вот мемуары Лагарда увидели свет после падения режима регентши и имели своей целью очернить Марию Медичи и ее союзника – герцога Д'Эпернона. В связи с этим оба этих свидетельства внушают подозрения. Вполне возможно, что Генрих IV стал жертвой так называемого испанского заговора,

в котором принимали участие какие-то другие лица, а не французская знать. В пользу этого предположения говорит тот факт, что вести о смерти Генриха распространились за границей еще до того, как он был убит. Кроме того, из государственных архивов Испании были изъяты очень важные документы, относящиеся к периоду от конца апреля до начала июля 1610 года.

О том, что король Франции пал жертвой испанского заговора, спустя несколько лет говорили такие осведомленные люди, как герцог Сюлли, друг и первый министр Генриха IV, а также кардинал Ришелье.

Впоследствии супругам Кончини эти подозрения вышли боком. Нужно отдать должное Равальяку, который даже под пытками не выдал никого из своих сообщников и унес тайну с собой. Вероятнее всего, орден иезуитов и впрямь владел какой-то страшной тайной, которой люди боялись даже больше, чем смертной казни на колесе...

Жизнь и смерть великого авантюриста

Прославленного авантюриста Кончино Кончини, известного под именем маршала д'Анкара (в свое время он приобрел в одной из французских провинций за 8 млн. экю Анкрский маркизат), поминали недобрым словом не только при жизни, но и после смерти.

Современники отзывались о нем как о человеке «тщеславном и хвастливом, гибком и смелом, хитром и честолюбивом, богатым и в то же время жадным». А в лексиконе французов ему нашлось даже точное определение – «куайон», что в переводе означает «ничтожество».

Кончино Кончини, знаменитый флорентийский авантюрист, на протяжении ряда лет был фаворитом королевы Марии Медичи, супруги Генриха IV и матери Людовика XIII. После смерти короля он фактически управлял всей Францией.

Кончини оказался у власти совершенно случайно, так сказать, волею судьбы. В родной Италии он был всего лишь простым нотариусом. Знакомство с Леонорой Дози, молочной сестрой Марии Медичи, известной больше как Элеонора Галиган, резко изменило жизнь Кончино.

Став мужем Леоноры, молодой человек получил доступ к королевскому двору. Так началось его победное шествие к вершинам власти, обернувшееся бедствием для всего французского народа и кровавой трагедией для самого Кончини.

Дело в том, что представительница славного флорентийского рода Медичи, игравшего значительную роль в жизни средневековой Италии, вышла замуж за французского короля Генриха IV. Она привезла во владения мужа всю свою свиту, значительную роль в которой играли Леонора и ее муж Кончино.

Молодая королева была сильно привязана к своей молочной сестре и исполняла любые ее прихоти. Леонора же в свою очередь старалась во всем угодить горячо любимому мужу.

Таким образом, Кончини имел возможность оказывать влияние на королеву, а через нее – на короля и дела всего государства. Большая часть замыслов авантюриста осуществлялась с удивительной легкостью.

К 1610 году, времени смерти Генриха IV, Кончини был заметной фигурой во Франции: он занимал ряд высоких постов в государстве, обладал многомиллионным состоянием и владел большим количеством имений и городских домов.

Уже после смерти короля Кончини получил звание первого камергера, а также пост губернатора Амьена и должность маршала Франции, хотя к военному делу не имел никакого отношения. Эти посты сулили ему большие доходы.

Однако жадность авантюриста не знала границ. Более того, он с каждым днем становился все наглее и заносчивее, что проявлялось не только по отношению к слугам и представителям низшего сословия. Многие придворные аристократы, недовольные существующим положением, называли поведение Кончино вызывающим. Но королева словно не замечала ропота придворных, она по-прежнему благоволила к талантливому авантюристу. Объяснялось это просто и весьма примитивно: Кончино стал любовником вдовствующей королевы. Обретя огромную власть, он позабыл о своей законной жене, которая позже признавалась, что на протяжении нескольких месяцев супруг не ночевал дома, более того, он даже не приближался к ее кровати.

Но зачем Кончино была нужна «бедная» жена, если королева Мария задаривала его драгоценностями и снабжала огромными денежными суммами? Эти деньги, естественно, брались из государственной казны, которую так тщательно пополнял покойный Генрих IV.

Королева и ее любовник вызывали недовольство не только у придворных. В народе Марию Медичи называли не иначе как проституткой...

Мария Медичи

Благодаря содействию королевы Кончино вскоре стал суперинтендантом королевского дома, а также главой городов Руа, Перон и Мондидье.

В связи с этим у него появилось большое количество обязанностей, о которых он, казалось, даже и не подозревал.

Честолюбивый, тщеславный, хитрый и жадный, Кончино заботился только о себе. Деньги были его единственной страстью. Однако средств, получаемых от королевы, Кончино вскоре перестало хватать, и он запустил руку в государственную казну.

Стремясь отыскать новые статьи дохода, он вынуждал королеву все время повышать налоги. Естественно, грабительская политика, проводимая Кончини, способствовала нарастанию недовольства народных масс.

Несколько раз авантюрист появлялся в покоях королевы в синяках и ссадинах, несколько раз его избивали до полусмерти. Так дворяне с помощью специально нанимаемых людей пытались расправиться с неугодным им человеком, указать ему место и хотя бы частично «восстановить справедливость».

Кончино Кончини не любил, пожалуй, никто, если не считать королевы и Леоноры Дози, его законной супруги. Будучи объектом всеобщей ненависти и очень уж дорожа своей

жизнью, любовник Марии Медичи во всем проявлял чрезмерную осторожность: он никогда не выходил из дома без охраны, имел человека для пробы пищи и т. д.

Кончини ни от кого не скрывал, что он любовник французской королевы. Наоборот, он старался подчеркнуть существующую между ними связь и даже построил от своего дома до королевского дворца мостик, позволявший ему беспрепятственно проникать в покои Марии Медичи.

Слуги и приближенные королевы рассказывали, что Кончини, застигнутый в спальне Марии, всегда принимался завязывать шнурки и делать вид, будто совсем недавно покинул шикарное королевское ложе.

Мария же во всем потакала своему любовнику: она не отрицала наличия между ними любовной связи, более того, казалось, что королева одобряет поступки Кончино. Она по-прежнему дарила ему дорогие подарки и баловала изысканными ласками.

Такое положение не могло устраивать юного наследника престола Людовика XIII. По его приказу самозванец был убит, королева-мать взята под охрану в ее же апартаментах в Лувре, а трон освобожден для молодого короля.

Людовик подозревал Кончини и его жену в том, что они участвовали в заговоре против его отца Генриха IV. Кроме того, юноша хотел отомстить ненавистным фаворитам за то невнимание и пренебрежение, с которым они относились к нему в детстве. Маршал д'Анкр мешал молодому королю, вскоре Кончини был вынесен смертный приговор.

Слухи об ожидаемой казни вскоре дошли до ушей «лучшего друга» семьи Кончини-Галиган, молодого епископа Ришелье (того самого, который позже стал кардиналом). Продолжая уверять любовника королевы в своей преданности, лукавый епископ начал сотрудничать с окружением Людовика XIII.

Стоит отметить, что могущественный Кончино Кончини, уверенный в своей безнаказанности, тем не менее имел серьезные опасения за свою жизнь. Как уже говорилось ранее, он всюду появлялся с охраной, вернее, со свитой, набранной из представителей бедных дворянских семей. За большие деньги эти люди соглашались охранять «важную персону», Кончино называл их своими «продажными олухами».

Однако изредка авантюрист выходил из дома без сопровождения, например когда отправлялся к любовнице по знаменитому мостику. Именно здесь его и подкараулили убийцы, подсланные Людовиком XIII.

В апреле 1617 года молодой король принял окончательное решение убрать со своей дороги ненавистного самозванца. Вскоре капитан королевской гвардии барон де Витри получил приказ арестовать маршала д'Анкра.

Желая точно знать, чего хочет король, капитан задал Людовику вопрос: «Государь, как я должен поступить, если Кончини станет защищаться?» На что один из приближенных короля ответил: «Его Величество ожидает, что самозванца убьют».

Вечером 23 апреля 1617 года Ришелье получил письмо, в котором говорилось, что маршал д'Анкр будет убит 24 апреля 1617 года на мосту, соединявшем его покои с королевскими. Однако епископ, считавшийся «другом» маршала, засунул полученное послание под подушку и заснул спокойным сном. Он даже не потрудился предупредить Кончини о готовящемся против него заговоре.

В тот день, 24 апреля 1617 года, все происходило примерно так. Кончино направлялся во дворец, но неожиданно дорогу ему преградил капитан королевских гвардейцев Николя де Витри. Крепко схватив авантюриста за руку, барон объявил ему волю молодого короля.

Кончини очень удивила дерзость капитана, осмелившегося арестовать его, первого человека в государстве. Он попытался вынуть из ножен шпагу, но увы... Солдаты королевской гвардии произвели по самозванцу выстрелы, три из которых оказались для него смертельными.

Кончини умер, даже не успев осознать, что сын его коронованной любовницы, законный наследник престола Людовик XIII сумел взять власть в свои руки.

Похоронили убитого в заранее приготовленной могиле, после чего постарались уничтожить следы его пребывания на французской земле. По распоряжению Людовика XIII в первую очередь изрубили в щепки деревянный мостик, соединявший дом Кончини и королевский дворец. Тем временем до королевы дошел слух о государственном перевороте и убийстве ее любовника. Некоторое время она пребывала в шоке от случившегося, и лишь постепенно до нее дошел смысл этой трагедии. Только тогда Мария Медичи сумела в полной мере осознать горечь утраты.

Но история на этом не закончилась. Тело ненавистного Кончини ожидала печальная участь. Жители Парижа и прочих городов Франции с радостью встретили известие о смерти ненасытного корыстолюбца. Но они жаждали мести. То, что они сделали с останками Кончино Кончини, заслуживает особого рассказа.

Неизвестно от кого, но парижане вскоре узнали, где похоронен любовник королевы. По свидетельству очевидцев, огромная толпа горожан направилась к могиле Кончини и устроила на месте погребения дикие оргии.

Люди плевали на могилу, топтали ее ногами, приплясывали над останками ненавистного врага. Затем все дружно принялись копать землю, кто руками, кто палками...

Вскоре труп Кончини вытащили из могильной ямы. Священники, находившиеся неподалеку, хотели было вмешаться, но разъяренная толпа набросилась на них с кулаками и бранными словами.

Тело бывшего маршала Франции, и без того сильно изуродованное убийцами, стало объектом жестоких издевательств обезумевших парижан. В ход пошли ноги, кулаки, увесистые дубинки, каждый хотел поучаствовать в этой дикой оргии. Люди плевали в лицо убитому, царапали его ногтями...

То, что происходило дальше, напоминало в большей степени всеобщее безумие. Опыленные яростью парижане устроили непристойные пляски вокруг изуродованного тела, отовсюду слышались непотребные слова только что сочиненных песен. На труп вновь сыпались палочные удары, мертвого Кончино беспрестанно пинали ногами, однако самое страшное было еще впереди...

Неожиданно для всех какой-то мужчина подбежал к телу ненавистного врага, вытащил из-за пояса нож и отрезал Кончини нос. Положив в карман окровавленный кусок, человек во всеуслышание заявил, что это его трофей.

Поступок незнакомца послужил сигналом к действию. Толпа набросилась на изуродованное тело убитого, каждый хотел получить что-нибудь на память от королевского любовника, правившего страной на протяжении нескольких лет.

Озверевшие люди (если их только можно назвать людьми) унесли с собой все, что только смогли отрезать от тела покойника: пальцы на руках и ногах, уши, губы, гениталии, просто кусочки тела, в том числе вырезки из ягодиц и куски кожи с мясом...

После этого изуродованный труп протаскивали по всем парижским улицам. Он представлял собой окровавленное месиво, в котором трудно было различить останки человека.

Вид крови, видимо, действовал на горожан возбуждающе. Очевидцы свидетельствовали, что один из «сопровождавших» мужчин на глазах у беснующейся толпы опустил свою руку внутрь изуродованного тела, вынул ее окровавленную и, смакуя, облизал. Следом за ним другой изувер вырезал сердце, испек его на горящих углях и съел, полив соусом.

Наконец жалкие останки Кончино Кончини, бывшего маршала д'Анкра, любовника королевы, принесли на Новый мост. К тому времени тело уже представляло собой скелет, покрытый разодранными в клочья, окровавленными и грязными кусками мяса. На глазах

у всех собравшихся это кровавое месиво торжественно сожгли. Над телом даже не была прочитана молитва...

Кончино Кончини

Такой цинизм и дикое варварство поражают воображение. Казалось бы, люди, вступившие в цивилизованный мир, не должны так себя вести, но, когда дело заходит о мести, о гуманизме забывают. Видимо, это как раз такой случай.

Королева, узнав о суровой казни своего любовника, пришла в неопишуемый ужас. Когда у нее спросили, как сообщить о гибели Кончини его законной супруге, королева не сумела посоветовать ничего дельного.

Мария Медичи опасалась за свою собственную жизнь, она не желала повторить «торжественного шествия» Кончини. Народное возмущение не затронуло королеву лишь по той причине, что она была правящей особой, и расправа над ней могла стать причиной многочисленных арестов. Надругательство же над королевским фаворитом прошло для народа безнаказанно.

Впрочем, Людовик тоже опасался за жизнь Марии Медичи. Несмотря ни на что, он оставался ее сыном. Мария была изолирована от внешнего мира в своих покоях, ее отдалили не только от государственных дел, но и от участия в дворцовых празднествах и церемониях. Все попытки королевы-матери добиться свидания с сыном оказывались безрезультатными. На все ее письменные и устные просьбы о встрече Людовик отвечал однообразно: «Я очень занят».

Желая хоть как-то оправдать себя в глазах сына и спасти собственную репутацию, Мария неоднократно повторяла, что, если бы Людовик посвятил ее в свои планы, касающиеся Кончини, она сама бы привела любовника к коронованному юноше. Но, разумеется, подобные признания уже ничем не могли помочь свергнутой королеве-матери.

Судьба Элеоноры Галиган, законной супруги Кончини, оказалась не менее печальной, чем судьба ее мужа. Безо всякого предупреждения женщина была арестована. Людовик меч-

тал отомстить не только Кончино, но и Элеоноре, помогавшей мужу в осуществлении его коварных планов.

Примечательно, что обвинение было предъявлено бывшей фаворитке лишь через несколько дней после ареста. Поскольку ее свадебный контракт предусматривал раздельное владение имуществом, судьям пришлось изрядно потрудиться, чтобы отобрать в государственную казну особняки и имения Галиган.

Элеонору обвинили в участии в заговоре, приведшем к убийству отца Людовика XIII Генриха IV, но основное внимание было акцентировано на колдовстве.

Женщина, болевшая какой-то загадочной болезнью, пыталась излечиться при помощи различных магических средств, кроме того, она умела предсказывать будущее по внутренностям животных. Это и послужило основанием для предъявления обвинения.

В некоторых письменных источниках, дошедших до наших дней, говорится, что на эшафоте Элеонору Галиган спросили, каким колдовским путем она сумела подчинить себе королеву. На что осужденная ответила: «Превосходством, которое существо, сильное духом, имеет над другими».

Несвоевременные реформы, или Жизнь Лжедмитрия I

Лжедмитрий I известен современникам XXI столетия по многочисленным историческим эссе и художественным повествованиям как русский царь-самозванец, который продержался на русском троне всего год. Временные рамки его правления определяются в учебниках истории государства Российского периодом с 1605 по 1606 год. Первые упоминания о Григории Отрепьеве-Лжедмитрии относятся к 1601 году. Тогда поляки объявили о том, что в их государстве появился сын Ивана IV, Дмитрий.

Сегодня многие современные исследователи говорят о времени появления Лжедмитрия как об одном из самых трагических и драматичных событий в русской истории. Григорий Отрепьев не случайно назывался именем царевича Дмитрия. Дело в том, что его семья издавна была связана с угличской резиденцией сына Ивана IV.

Когда-то давным-давно Отрепьевы выехали из Литвы и поселились в Угличе и Галиче. В 1577 году братья Отрепьевы были награждены русским царем поместьем, находившимся в Коломне. Тогда младшему из братьев едва исполнилось 15 лет. Спустя некоторое время он женился, и у него появился сын, которого отец нарек Юрием. В то время никто даже и подумать не смел о том, что недавно родившийся мальчик впоследствии сыграет важную роль в одном из главных политических событий Российского государства.

Примечательно, что Юрий Отрепьев родился в один месяц с сыном русского царя Дмитрием. Многие видели в этом доброе предзнаменование, которое, впрочем, как показало время, так и не осуществилось.

Отец Юрия Отрепьева, Богдан, служил в царской армии и смог получить только лишь звание стрелецкого сотника. Вполне возможно, что он дослужился бы и до генерала, если бы не преждевременная смерть.

Судя по воспоминаниям современников, Богдан имел нрав буйный и неутомонный. Его к тому же часто видели в Немецкой слободе в Москве, где пьяные драки в кабаках и прямо на улицах являлись событием самым обычным и повседневным. В одном из таких «боев» и погиб Богдан Отрепьев.

После гибели отца воспитанием сына занялась мать. Именно она привила мальчику любовь к чтению, а также настаивала на глубоком и внимательном изучении Священного Писания. По достижении определенного возраста Юрий Отрепьев был направлен на учебу в Москву. Приехав в столицу, он поселился в доме зятя матери, Семейки Ефимьева. В дальнейшем он сыграет немаловажную роль в самозванческой жизни Отрепьева.

Историки свидетельствуют о том, что именно во время пребывания в доме дядьки Юшка и обучился правилам письма. Необходимо заметить, что после пострижения в монахи Юрий Отрепьев занимался переписыванием книг в мастерской, находившейся при царском дворе. Людей, не обладавших навыками каллиграфии, как правило, не принимали в переписчики. Отрепьева же приняли в приказ и, более того, в то время ценили как лучшего переписчика.

Нужно сказать, письменные источники, описывающие молодые годы Отрепьева, отзываются о юноше как о корыстном и алчном человеке, стремившемся во что бы то ни стало сделать карьеру. Однако более поздние документы на все лады восхваляли молодого писаря и говорили о нем как о человеке необычайно трудоспособном. Он учился легко, потому нередко говорили о том, что он связан с нечистой силой, которая и помогает юноше овладевать знаниями.

Лжедмитрий I

Юрий Отрепьев происходил из простой, бедной семьи. Но, будучи человеком тщеславным, он думал о том, чтобы сделать блестящую карьеру и даже занять царский трон. Однако для этого необходимо было, прежде всего, близко сойтись с нужными людьми. Таким образом, после нескольких лет службы в московском приказе Юрий Отрепьев устраивается на службу при дворе боярина Михаила Романова, в лице которого многие в то время видели преемника русского царя.

Со службой при дворе Романовых Отрепьев связывал все свои надежды на карьеру. Казалось, знакомство с Михаилом Романовым было предопределено самой фортуной. Дело в том, что родовое гнездо Отрепьевых находилось на берегу реки Монзы. Там же располагалось и село Домнино, костромская вотчина, принадлежавшая Романовым. Такое соседство и определило судьбу молодого Юрия Отрепьева, который решил поступить на службу именно к боярину Романову.

Находясь на службе у бояр Романовых, Отрепьев находился в звании стрелецкого командира. А благословение на службу он принимал от самого Бориса Черкасского, одно имя которого означало успешное начало карьеры.

Тогда все складывалось для Юрия Отрепьева более чем удачно. Однако события ноября 1600 года круто изменили его жизнь. Тогда дом Романовых был предан опале. Однажды ко двору Романовых пришел отряд царских стрельцов с тем, чтобы казнить бояр, которые в то время оставались главными претендентами на престол. У ворот дома Романовых произошло настоящее сражение. Однако свита бояр дала отпор царским воинам.

Быть тогда Юрию Отрепьеву убитым, если бы он вовремя не спасся бегством. По царскому указу все, кто защищал Романовых, должны были быть немедленно преданы смерти. Осторожный и дальновидный Отрепьев смог укрыться от стрельцов в стенах монастыря.

Именно страх оказаться на виселице и стал причиной того, что молодой Юрий Отрепьев (ему тогда было 20 лет) принял постриг и забыл о мирской жизни. Своеобразным символом такого его решения стала смена его настоящего имени. С тех пор его звали не иначе как чернец Григорий.

Во время монашества Григорий Отрепьев много странствовал по русской земле. Однажды он подошел к стенам галичского Железноборского монастыря, где и остался на некоторое время. Сохранившиеся до наших дней памятники письменности свидетельствуют о том, что именно там он и принял постриг.

Спустя некоторое время Григорий покинул Железноборский монастырь и поселился в Спасо-Ефимьевском монастыре. Там он находился под началом духовного старца. Однако такая жизнь очень скоро наскучила Григорию, и он решил покинуть святую обитель. Уж слишком большой и непреодолимой оказалась разница между аскетичной монашеской жизнью и веселым и беззаботным пребыванием при боярском дворе.

М. В. Нестеров. Дмитрий – царевич убиенный

Вскоре Григорий Отрепьев вновь объявился в Москве. Но тут возникает вполне закономерный вопрос: почему монах не побоялся появиться в столице, где когда-то его чуть было не повесили. Но, как оказалось, жизнь в Москве не представляла для него никакой опасности. Романовы давно уже находились в ссылке. А их приближенные были прощены царем и освобождены. Кроме того, в то время на Руси считалось, что человек, принявший монашество, очищался от прошлых и будущих грехов.

Итак, Григорий Отрепьев появился в Москве. Мысль о карьере ни на минуту не покидала его. Поэтому прежде всего он решил отправиться в самый известный аристократический кремлевский монастырь, имевший таинственное название Чудов. Говорили, что Отре-

пьев ходил с прошением о принятии его в монастырь к самому архимандриту: «Бил челом об нем в Чудове монастыре архимандриту Пафнотью».

Под началом архимандрита Григорий Отрепьев находился совсем недолго. Спустя некоторое время Пафнотий отвел ему свою келью, где опальный монах занимался литературой. Позднее сам Отрепьев так говорил о своей службе при монастыре: «Живучи-де в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе».

Необходимо сказать, что старания Григория Отрепьева были замечены Пафнотием. Очень скоро молодой монах заслужил сан дьякона и стал считаться одним из самых благодетельных монахов Чудова монастыря. Жизнь в отдельной келье Чудова монастыря нельзя было назвать тревожной и опасной. Однако работа монастырским писарем вскоре показалась Григорию утомительной. А потому он решил покинуть Чудов монастырь и перебраться на царский двор. Позднее патриарх Иов расскажет о том, что он не раз зазывал Гришку к патриаршему двору, но только для того, чтобы просить его переписать книги.

Необходимо заметить, что Григорий Отрепьев занимался не только переписыванием книг. Ему принадлежат также сочинения канонов некоторым святым. С тех пор о талантливом чернце Григории говорили не только в стенах Чудова монастыря, но и при монаршем дворе, а также в Священном соборе.

Как-то раз патриарх Иов пришел на Священный собор в сопровождении нескольких монахов. Среди прочих находился и Григорий Отрепьев. Сам Отрепьев так объяснил свое присутствие на соборе и благорасположение к себе патриарха: «Патриарх-де, видя мое досужество, и учал на царскую думу вверх с собою меня имати, и в славу-де я вшел великую».

Действительно, известность Григория Отрепьева росла с каждым днем. Падение дома Романовых не охладило его стремления к славе и власти. Попасть в самые высокие круги церковной власти Отрепьеву помогло не монашеское послушание и жизнь аскета, а его живая и эмоциональная натура. Он на самом деле выделялся среди монахов знанием русской литературы, а также своим умом и эрудицией.

Современники не раз говорили о том, что Отрепьев тратил не больше месяца на то, на что другие тратят несколько десятков лет жизни. Он, словно бы предчувствуя тот короткий жизненный срок, который был ему отмерен, спешил сделать самое главное для себя – достичь высот в карьере.

Действительно, карьера Отрепьева оказалась головокружительной. Во многом тому способствовало благорасположение к нему людей, достигших к тому времени определенного положения в обществе. Как правило, их подкупало стремление Отрепьева к познанию нового, жажда знаний, а также его необычайная сила воли и твердость характера. Всего лишь в течение года он проделал путь из келии Чудова монастыря на службу к патриарху Иову.

Никому не известно, когда впервые Григорий Отрепьев заявил о том, что он обязательно займет царский трон. Однако едва только тот слух донесся до царя Бориса Годунова, как он приказал выслать Григория из Москвы и отправить его в Кириллов монастырь. В то время Григорию чудом удалось избежать ссылки. Одним из знакомых монахов он был предупрежден о готовящемся наказании, а потому вовремя смог уйти от преследования. Сначала он прятался в Галиче, затем в Муроме, а вернувшись в Москву в 1602 году, вынужден был вновь бежать.

На этот раз Григорий Отрепьев устремился за пределы Руси. На протяжении всего пути его сопровождали два монаха, Варлаам и Мисаил. Забегая несколько вперед, нужно отметить то обстоятельство, что Варлаам сможет возвратиться на родину только по прошествии двух месяцев после того, как Отрепьев окажется на троне.

Однако до Москвы сподвижник Отрепьева так и не дошел, поскольку еще на границе был задержан воеводами самозванного царя. После смерти Лжедмитрия обиженный Вар-

лаам написал книгу, известную и сейчас под названием «Извет». В ней автор описывает годы своего знакомства с Григорием Отрепьевым. Однако он не осмеливается предать хуле самозванца, а, скорее, пытается оправдать самого себя и свои поступки.

Однако вернемся к событиям 1602 года. Монахи покинули Москву беспрепятственно. Перед отъездом их дважды видели горожане. В первый день монахи стояли на центральной площади и бурно обсуждали детали поездки. А на другой день они отправились в Иконный ряд, затем перешли Москву-реку, где наняли извозчика.

В приграничных городках мало кто обратил внимание на проезжавших служителей церкви. Григорий Отрепьев даже провел службу в одной из встретившихся на пути церквей. В одном из поселений монахи остановились, чтобы собрать средства, необходимые для строительства храма. Однако церковь так и не появилась. А вырученные деньги иноки присвоили и затем потратили на одежду, провизию и прочие радости светской жизни.

Необходимо сказать, что местные власти даже не попытались арестовать беглых монахов. Им удалось беспрепятственно пройти пограничный досмотр и оказаться далеко от России, где их ожидало суровое наказание.

Прежде всего иноки решили посетить Киев. Они поселились в Печерском монастыре, где провели примерно три недели. После этого они выехали в Острог, которым управлял знаменитый в то время князь Константин Острожский. Григорий Отрепьев смог расположить к себе князя, который не раз жаловал его дорогими подарками.

После пребывания у князя Константина Острожского Отрепьев отправился на Волынь в Гошу, где властвовал Габриэль Хойский, а затем поселился в Чудовом монастыре. Там-то и пришла ему в голову мысль объявить себя царем Дмитрием.

Некоторое время спустя Адам Вишневецкий пришел к литовскому королю с донесением о том, что на литовской земле появился сын русского царя Ивана IV. Заинтересованный король просил подробнее описать жизнь Дмитрия. Тогда Вишневецкий представил повествование о чудесном спасении царевича, рассказанное, нужно заметить, самим спасшимся царевичем, то есть Отрепьевым.

Для начала Григорий Отрепьев рассказал о всех событиях, произошедших при московском царском дворе. Освещая же свое чудесное спасение, он обычно не называл имен и фамилий главных действующих лиц. Так, он рассказал о том, что некоторым придворным удалось узнать о готовившемся убийстве царевича. В ту ночь один из воспитателей подменил мальчиков, положив в кровать Дмитрия сына одного из слуг. Он-то и был убит наемником. А настоящий царевич якобы спасся.

Нужно сказать, Отрепьев тщательно подготовился к своему предприятию. Он достаточно внимательно отнесся к тому, что ему предстоит не раз изложить историю своего воскрешения. А потому каждая деталь рассказа была тщательно продумана.

Наутро после убийства в комнату, где обычно спал царевич, вошла его мать. Увидев мертвого сына, она обезумела от горя, так и не поняв, что перед ней лежит другой мальчик. Но распознать было бы крайне трудно, поскольку лицо убиенного стало землисто-серым и распухло. А потому узнать в нем царевича или кого бы то ни было еще оказалось бы делом крайне трудным. Таким образом, Дмитрий-Отрепьев представил литовскому королю живописную картину своего чудесного спасения. При этом он всячески старался избегать названия точных географических мест, имен участников событий и время их совершения. По его словам, никому из придворных царя так и не удалось никогда узнать о подлоге и о том, что «настоящий» царевич остался жив. Даже мать, заточенная в монастырь, ничего не знала о спасении «сына».

Для того чтобы король поверил его словам, Григорий Отрепьев поселился в Литве. Таким образом, в любой момент можно было проверить все то, о чем он поведал монарху.

В том случае, если бы он пожелал изменить или вовсе скрыть известные всем факты из его жизни, то его попросту обвинили бы в обмане.

Так, например, всем находившимся при дворе литовского короля было известно, что Отрепьев появился там, одетый в монашескую рясу. На вопрос о том, что привело к пострижению, Отрепьев ответил следующее. Оказывается, спасший «царевича» воспитатель отдал мальчика на воспитание дворянину. Тот перед смертью заставил «Дмитрия» дать ему обещание принять постриг. По словам попечителя, только так царевич смог бы навсегда скрыться от преследователей и избежать гибели.

Юноша незамедлительно последовал совету своего опекуна. После его кончины он ходил во многие монастыри. Более всего ему приглянулась жизнь в Кремлевском монастыре. Однако он не смог там остаться, поскольку его якобы узнал один из царских придворных. После этого «царевич» понял, что на родине ему оставаться не представляется возможным. Поэтому он решил отыскать пристанище, убежав в Польшу.

По свидетельствам сохранившихся письменных источников, Григорий Отрепьев давно уже вынашивал план выдачи себя за царевича Дмитрия. Так, в одной из летописей рассказывается о том, как однажды, находясь в Киево-Печерском монастыре, Отрепьев заболел так сильно, что готов был с минуты на минуту отдать Богу душу. Тогда-то он и поведал пришедшему игумену тайну о своем «царском» происхождении.

Но настоятель Печерского монастыря почему-то не поверил словам Отрепьева. После того как тот назвал себя Дмитрием, он повелел всем четверым вновь прибывшим монахам убраться из обители под добру–поздорову, сказав: «Четыре-де вас пришло, четверо и подите». Тот трюк с болезнью и послед–ней исповедью Григорий Отрепьев использовал не однажды. Рассказывали, что Григорий внезапно заболел и в день своего прибытия в вотчину Вишневецкого. Как и в первый раз, Отрепьев на исповеди признался в том, что он и есть тот самый царевич Дмитрий, сын русского царя Ивана IV.

Иван IV Грозный

Однако и князь Вишневецкий не поверил словам Отрепьева. А потому «царевич» вынужден был покинуть его имение и отправиться дальше в поисках благодарных слушателей. Однако ему никак не удавалось убедить поляков и литовцев в том, что он является настоящим наследником русского трона. Он был изгнан и из Киево-Печерского монастыря, и из Острога, и из Гощи.

Иезуиты же приняли сторону «обиженного судьбой» царевича. Они говорили о том, что Отрепьев после побега из России обратился к Острожскому с просьбой предоставить ему приют. Однако Острожский якобы категорически отказался даже принять в своем дворце «русского самозванца».

Тогда Отрепьев снял монашеские одежды и отправился в вотчину пана Хойского, где служил на кухне. Для человека, имевшего дворянское происхождение, не было ничего более унижительного, чем прислуживание на кухне польского пана. Тем не менее самозванцу пришлось вытерпеть и это. Однако такой поворот событий не смог сломить твердую волю Отрепьева.

Спустя некоторое время Григорий нашел-таки влиятельных покровителей. Это были польские и литовские магнаты. Среди прочих оказался и Адам Вишневецкий, видимо понявший перспективы самозванства Отрепьева. Именно он одарил Отрепьева новыми богатыми одеждами и стал возить его в вотчины в карете, сопровождаемой несколькими вооруженными гайдуками.

Спустя несколько месяцев карета «царевича Дмитрия» прибыла ко двору польского короля Сигизмунда III. В то время среди приближенных короля на службе находился некто Лев Сапега. В свою очередь, тот имел у себя в услужении холопа по имени Петрушка. По происхождению он был лифляндцем, когда-то вывезенным в Москву. После нескольких десятков лет жизни в столице Русского государства он бежал в Польшу, где и оказался нанятым на службу Львом Сапегой.

Сапега решил поддержать авантюру, предпринятую Григорием Отрепьевым. После недолгого разговора с ним Петрушка, которого со времени появления Лжедмитрия стали называть не иначе как Юрий Петровский, заявил о том, что якобы в детские годы, во время своего пребывания в Москве, он не раз встречался с Отрепьевым-Дмитрием при дворе царя и даже играл с ним.

Тогда польский король решил, говоря современным языком, провести очную ставку. Петрушка стоял в самом центре приемного зала, когда туда вошли несколько придворных, одетых в одинаково богатые одежды. Растерявшись, холоп не знал, что делать. Но на помощь пришел сам Отрепьев. Он улынулся Петрушке, давая тому понять, что именно он и является наследником русского царя Ивана IV.

На той же встрече Петрушка сказал королю о том, что «узнал» Дмитрия по некоторым особенным приметам, как то бородавка, находившаяся около носа, и неравная длина рук. На том первое отделение политического спектакля было окончено. Все были довольны исходом дела и принялись разрабатывать план дальнейших действий.

К тому времени Григорий Отрепьев получил поддержку и от одного из польских магнатов, Ежи (Юрия) Мнишека. Спустя некоторое время холоп Мнишека также узнал в госте пана «царевича Дмитрия». Тогда в гостях у Мнишека находился не кто иной как Григорий Отрепьев.

В первой половине 1603 года в Польше появились сбежавшие из России братья Хрипуновы. Спустя некоторое время они присоединились к компании заговорщиков и «узнали» в Отрепьеве настоящего наследника царя Ивана IV.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.